

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт языка и литературы

ШЕСТЫЕ ПЕТЕРБУРГСКИЕ МОНГОЛОВЕДНЫЕ ЧТЕНИЯ

24–25 ноября, 2022. Санкт-Петербург

ПРОГРАММА ТЕЗИСЫ

Санкт-Петербург
Улан-Батор
2022

ОРОСЫН ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ
Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэн

МОНГОЛ УЛСЫН
ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ
Хэл зохиолын хүрээлэн

ПЕТЕРБУРГИЙН МОНГОЛ СУДЛАЛ-VI

Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурал

2022 оны 11 сарын 24–25. Санкт-Петербург хот

ХӨТӨЛБӨР
ИЛТГЭЛИЙН ХУРААНГУЙ

Санкт-Петербург хот
Улаанбаатар хот
2022

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ ОРГКОМИТЕТА:

д. и. н., директор Института восточных рукописей РАН *Ирина Фёдоровна ПОПОВА*
D. Sc., директор Института языка и литературы МАН *Жанцангийн БАТ-ИРЭЭДҮЙ*

СЕКРЕТАРИ ОРГКОМИТЕТА:

д. ф. н., зав. Сектором Центральной Азии ИВР РАН *Ирина Владимировна КУЛЬГАНЕК*
к. ф. н., н. с. Сектора Центральной Азии ИВР РАН *Дмитрий Алексеевич НОСОВ*
Ph. D. ИЯЛ МАН *Аюушжав АЛИМАА*
Ph.D. ИЯЛ МАН *Баасанжаргал ДАЙРИЙМАА*

ЗОХИОН БАЙГУУЛАХ ХОРОО

ЗОХИОН БАЙГУУЛАХ ХОРООНЫ ДАРГА НАР:

Оросын ШУА-ийн Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэнгийн захирал *Ирина Федоровна ПОПОВА*
Монгол улсын ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэнгийн захирал *Жанцангийн БАТ-ИРЭЭДҮЙ*

ЗОХИОН БАЙГУУЛАХ ХОРООНЫ НАРИЙН БИЧГИЙН ДАРГА:

Оросын ШУА-ийн Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэнгийн Төв Азийн секторын эрхлэгч, хэл бичгийн ухааны доктор *Ирина Владимировна КУЛЬГАНЕК*
Оросын ШУА-ийн Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэнгийн Төв Азийн секторын ЭША, хэл бичгийн ухааны дэд эрдэмтэн *Дмитрий Алексеевич НОСОВ*
Монгол улсын ШУА- Хэл зохиолын хүрээлэнгийн Аман зохиол судлалын салбарын эрхлэгч, Ph. D. *Аюушжав АЛИМАА*
Монгол улсын ШУА- Хэл зохиолын хүрээлэнгийн Аман зохиол судлалын салбарын ЭША, Ph. D. *Баасанжаргал ДАЙРИЙМАА*

ссылка на подключение к конференции он-лайн:

<https://meet.google.com/zfy-ffhn-pvr>

Or dial: (RU) +7 499 951-64-31 PIN: 314 412 388 4712#

More phone numbers: <https://tel.meet/zfy-ffhn-pvr?pin=3144123884712>

РАСПИСАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН
Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

24 НОЯБРЯ

ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЛ

10:00 – 10:30 Регистрация участников

10:30 – 11:00 Приветствия

11:00 – 13:00 Пленарное заседание «Наследие В.Л. Котвича и семьи Бурдуковых»

13:00 – 14:00 Перерыв

ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЛ

14:00 – 17:00. Секция 1.

**ИСТОРИКО-АРХИВНЫЕ И
МУЗЕЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

КАБИНЕТ «ЛОТОСОВАЯ СУТРА»

14:00 – 17:00. Секция 2.

**ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА
И ИСТОРИЯ
МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ**

25 НОЯБРЯ

ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЛ

10:00 – 14:30. Секция 3.

ЯЗЫКИ, ЛИТЕРАТУРА, ФОЛЬКЛОР И КУЛЬТУРА МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЛ

15:00 – 15:30 Закрытие конференции

ПРОГРАММА 24 НОЯБРЯ

10:30 – 11:00 **ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА:**

Ведущий: Д. А. Носов

И. Ф. ПОПОВА, член-корр. РАН, директор ИВР РАН

Ж. БАТ-ИРЭЭДҮЙ, доктор(Sc. D.), директор ИЯиЛ МАН

О. К. ВАВИЛОВ, зам. дир. ИКСА РАН, вице-през. ФСБОиИ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

(председатель И. В. КУЛЬГАНЕК)

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЛ

- 11:00 – 11:15 И. В. КУЛЬГАНЕК. Петербург/Ленинград в жизни В. Л. Котвича (1872–1944) и Т. А. Бурдуковой (1912 –1987)
- 11:15 – 11:30 Т. В. ЕРМАКОВА. Научные связи В.Л. Котвича и Ф.И. Щербатского
- 11:30 – 11:45 С. С. САБРУКОВА. Письма Н.П. Шастиной к Бурдуковой Т.А. (1955–1966 гг.) (по материалам Архива Востоковедов ИВР РАН)
- 11:45 - 12:00 Д. А. НОСОВ. Ученик В.Л. Котвича – В.А. Казакевич
- 12:00 - 12:15 Н.С. ЯХОНТОВА. Студенты сарт-калмыки – ученики А.В. и Т.А. Бурдуковых (по материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга)
- 12:15 - 12:30 О. Н. ПОЛЯНСКАЯ. В.Л. Котвич (1872-1944): научная и педагогическая деятельность монголоведа
- 12:30 – 12:45 Б. В. МЕНЯЕВ. Сарт-калмыцкие фольклорные материалы из личного фонда А.В. и Т.А. Бурдуковых
- 12:45 - 13:00 Э. У. ОМАКАЕВА. Корпус калмыцких загадок из сборника Вл. Л. Котвича: базовые коды лингвокультуры

13:00 – 14:00

ПЕРЕРЫВ

24 НОЯБРЯ

СЕКЦИЯ 1. ИСТОРИКО-АРХИВНЫЕ И МУЗЕЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(председатель Т. И. ЮСУПОВА)

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЛ

- 14:00 – 14:20 Т. И. ЮСУПОВА. Акты дарения Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова (1923–1926 гг.)
- 14:20 – 14:40 Ю. И. ЕЛИХИНА. Монгольские серебряные печати из коллекции Государственного Эрмитажа
- 14:40 – 15:00 К. Ю. СОЛОВЬЕВА, М. В. ФЕДОРОВА. Экспедиция Д.Э. Ухтомского в Северную Монголию: от атрибуции до публикации
- 15:00 – 15:30 ПЕРЕРЫВ**
- 15:30 – 15:50 И. М. ЗАХАРОВА, М. В. МАНДРИК. О подготовке частной торгово-промышленной и ученой экспедиции братьев Бутиных в Китай в 1870 г.
- 15:50 – 16:10 Р. М. ВАЛЕЕВ, Р. З. ВАЛЕЕВА. Доржи Банзаров и университетское монголоведение в Казани: Архивные материалы и документы (К 200-летию со дня рождения)
- 16:10 – 16:30 Ю. В. КУЗЬМИН. Монголо-русский словарь иркутского переводчика А.В. Игумнова

16:30 – 17:00 ОБСУЖДЕНИЕ / DISCUSSION

24 НОЯБРЯ

**СЕКЦИЯ 2. ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ
МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ**

(председатель Н. В. ЯМПОЛЬСКАЯ)

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: КАБИНЕТ «ЛОТОСОВАЯ СУТРА»

- 14:00 – 14:20 Т. Д. СКРЫННИКОВА. Мифологизация образа Чингис-хана в анонимной Алтан Тобчи
- 14:20 – 14:40 К. В. АЛЕКСЕЕВ. «Повествование о круге рождения и смерти» в монгольском рукописном Ганджуре
- 14:40 – 15:00 Б. А. БИЧЕЕВ. Буддийские тексты, изданные калмыцкими ламами (1900–1918 гг.)
- 15:00 – 15:20 Н. В. ЯМПОЛЬСКАЯ. Влияние письменной традиции на ритуальные тексты культа Белого Старца
- 15:20 – 15:40 ПЕРЕРЫВ**
- 15:40 – 16:00 К. В. ОРЛОВА. Об ойратской рукописи «Воскурение Алтаю»
- 16:00 – 16:20 Д. Г. КУКЕЕВ. Религиозный долг, пограничная торговля и внешняя политика в джунгаро-тибетских отношениях (1740-е гг.)
- 16:20 – 16:40 Р. Ю. ПОЧЕКАЕВ. Судебный процесс 1251 г. и Мункесар-нойон: к вопросу о роли верховного дзаргучи в Монгольской империи середины XIII в.
- 16:40 – 17:00 Ю. И. ДРОБЫШЕВ. Образ Чингис-хана в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина

25 НОЯБРЯ

СЕКЦИЯ 3. ЯЗЫКИ, ЛИТЕРАТУРА, ФОЛЬКЛОР И КУЛЬТУРА МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ.

(председатель М. П. ПЕТРОВА)

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: ЗЕЛЕНый ЗАЛ

- 10:00 – 10:20 Л. С. ДАМПИЛОВА. Оппозиция свой / чужой в русских и бурятских преданиях о баргутах
- 10:20 – 10:40 Б. ДАЙРИЙМАА. Характеристика сказочных материалов из фонда Лаборатории родного языка и письменности” института языка и литературы АНМ
- 10:40 – 11:00 Ч. ЗАЯАСҮРЭН. Хүүхдийн оюун ухааны хөгжилд аман зохиолын бага төрөл нөлөөлөх нь
- 11:00 – 11:20 Б. ДЭМБЭРЭЛМАА. Концепт “сэтгэл-душа” в романе “Тунгалаг тамир”
- 11:20 – 11:40 Г.-О. БАТЗАЯА. Монгол хэл, аялгуунуудыг ангилан хуваасан түүх хийгээд өнөөгийн байдал
- 11:40 – 12:00 ПЕРЕРЫВ**
- 12:00 – 12:20 С. Ю. НЕКЛУДОВ. Воцарение лесного найденыша: легенда о Чоросе и ее международные контексты
- 12:20 – 12:40 Р. БИГЭРМА. Б. Лхагвасүрэнгийн яруу найраг дахь ардын аман зохиолоос сэдэвлэсэн шүлгүүдийн онцлог
- 12:40 – 13:00 М. П. ПЕТРОВА. Знаки и символы визуальной поэзии Риммы Ханиновой
- 13:00 – 13:30 **ПЕРЕРЫВ**
- 13:30 – 13:50 Г. А. ДОРДЖИЕВА. К вопросам изучения *частр ут дун*
- 13:50 – 14:10 Д. Н.-Д. ВАСИЛЬЕВА, М. ЭНХБААТАР. Традиция монголов «читать» следы животных
- 14:10 – 14:30 В. В. ПОНАРЯДОВ. Халха-монгольский язык XIX в. в записях А.М. Позднеева и Г. Балинта: некоторые фонетические и морфологические особенности
- 15:00 – 15:30 ЗАКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ (ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ, ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗОЛЮЦИИ)

ТЕЗИСЫ

«Повествование о круге рождения и смерти» в монгольском рукописном Ганджуре

Том *ba* раздела *Eldeb* монгольского рукописного Ганджура 1628–1629 гг. содержит небольшое сочинение под названием «Повествование о круге рождения и смерти» (монг. *Töröküi üküküi orčilang-un nom bölöг болыгaysan*). Текст представляет собой сокращенную монголоязычную версию одноименного тибетского трактата, дошедшего до наших дней в виде девяти рукописных фрагментов из Дуньхуана. «Повествование» отражает ранний этап рецепции индийских буддийских текстов в тибетском культурном пространстве. Сочинение не принадлежит к разряду канонических и не входит ни в один из известных на сегодняшний день тибетских Ганджуров. Также до сих пор не обнаружены другие тибетоязычные версии «Повествования» помимо дуньхуанских.

Тем примечательнее включение этого сочинения в монгольский рукописный Ганджур. Язык монгольского текста содержит ряд архаизмов характерных для переводов буддийских текстов XIII–XIV вв., но, в целом, не позволяет датировать памятник более точно чем его *terminus ante quem*, т.е. 1629 г. Текстологический анализ показал, что оригиналом монгольского перевода послужила тибетская версия текста, отличающаяся от дуньхуанских фрагментов. Этот факт позволяет предположить, что в конце XVI – начале XVII веков одна из версий «Повествования о круге рождения и смерти» все еще циркулировала в монгольском (и, возможно, тибетском) культурном пространстве в качестве авторитетного текста и лишь позднее была полностью исключена из канонической традиции (традиций).

Г. О. Батзаяа

Монгол хэл, аялгуунуудыг ангилан хуваасан түүх хийгээд өнөөгийн байдал

Монгол хэлний нутгийн аялгуунуудын онцлогийг сурвалж бичгүүдэд эртнээс нааш тэмдэглэж ирсэн боловч XIX зуунд нутгийн аялгуу судлал бие даасан салбар ухаан болон хөгжиж, өнөөдрийг хүрчээ. Энэхүү хоёр зуугаад жилийн хугацаанд монгол хэлнүүд, нутгийн аялгуунуудыг ангилан хуваах талаар цөөнгүй санал дэвшигдэж ирсэн байна. Тэдгээр эрдэмтэн, судлаачдын ангилан хуваарилсан байдлыг бид шүүрдэн авч үзлээ. Улмаар чухам хэрхэн ангилан хуваавал зохих зарчмыг дурдаж, эцэст нь өнөөдөр монгол төрлийн хэчнээн хэл, тэдгээрийн дотор хэчнээн нутгийн аялгуу, аман аялгуу, салбар аман аялгуу байгаа (халхажсан, буриададжсан, ойрадажсан байдлыг нарийвчлан авч үзсэний үндсэн дээр)-г нарийвчлан тоочин гаргаж, ярилцагч хүн амын тоог сүүлийн үеийн мэдээ баримтаар дурдав.

**Б. Лхагвасүрэнгийн яруу найраг дахь ардын аман зохиолоос
сэдэвлэсэн шүлгүүдийн онцлог**

Аливаа улс үндэстний хөгжлийн төлөв нь тухайн үндэстнийхээ түүх, нийгэм, эдийн засаг, соёлын хөгжил дэвшилтэй салшгүй холбоотой байдаг. Аман ба бичгийн эртний өв уламжлалтай монголчуудын бичгийн уран зохиолын хөгжлийн түүхийг үзвэл, төрөл зүйлийн дотроос үлэмж гүнзгий уг сурвалжтай, өргөн дэлгэрсэн төрөл нь яруу найраг билээ. Яруу найраг тухайн ард түмний эрдэм авьяас, оюуны соёл, сэтгэлгээний цар хүрээ, сэтгэх болон илэрхийлэх онцлог, гүн ухааны үзэл баримтлал, сэтгэлийн дотоод ертөнцийг бүхэлд нь багтаасан баялаг агуулгатай бөгөөд амьдрал, аж төрөхүйн учир ёсон хийгээд хөг аялгуун, утга соёл, урлагийн өвөрмөц төгс төгөлдөр чуулбар юм.

Монголчууд эрт язгуураасаа эх хэлний үгсийн эрдэм болох яруу найргаар хэлэлцдэг ард түмэн байсаар ирсэн тул судлаачид түүний уламжлал, хөгжил, хувьслын асуудлыг судалж, сонирхолтой дүгнэлтүүдийг хийсээр иржээ.

Яруу найргийн хөгжлийн үе бүхэн өөрийн гэсэн өвөрмөц арга барил, сэтгэлгээ бүхий тэргүүлэх яруу найрагчдыг төрүүлж, бичлэг, сэтгэлгээ, туурвил зүйн шинэчлэл хийгдсээр байдаг. Энэ утгаараа 1930-аад оны яруу найрагт Д.Нацагдорж, харин 1960-аад оны яруу найрагт Б.Явуухулан шинэчлэл хийсэн бол, 1990-ээд оны яруу найргийн ертөнцөд Б.Лхагвасүрэнг зүй ёсоор нэрлэж болно.

Энэхүү өгүүлэлдээ бид ХХ зууны яруу найргийн томоохон төлөөлөгч болох Б.Лхагвасүрэнгийн яруу найрагт ардын аман зохиолын өгүүлэмжээс сэдэвлэн бичсэн зарим шүлэг, тэдгээрийн онцлогийг судлан үзлээ. Ардын уран зохиолч Б.Лхагвасүрэнгийн уран бүтээл дэх домог үлгэрээс сэдэвлэсэн ”Үлгэрт нөмөргөсөн хэвнэг”, тоглоом наадмын аман зохиолоос сэдэвлэсэн “Хорголон бөөдий” шүлгүүдийн онцлогийг тодотгон, тухайн шүлгийн жишээгээр тайлбарлана.

Б. А. Бичеев

Буддийские тексты, изданные калмыцкими ламами (1900–1918 гг.)

Публикация текстов на «ясном письме» в начале ХХ в. была связана с общим процессом реформ происходивших в социально-экономической политике Российской империи и с теми обновленческими процессами, которые охватили национальные окраины страны. Активным участником обновленческого движения была монашеская община Калмыкии которая с 1900 г. по 1911 г. смогла издать более 12 текстов. Пока удалось выявить лишь шесть произведений, опубликованных до 1911 г., а также три издания, осуществленные с 1912 г. по 1918 г.

№	Шифр	Наименование произведения	Вид издания
---	------	---------------------------	-------------

1900–1911 гг.			
1	РНБ Н <u>калм</u> 4-76	« <i>Burxan baqšiyin gegēni arban xoyor zokāl bolon düyičün nuуuudiyin ilayal orošiboi</i> » («Двенадцать дежний Будды и различия праздничных дней»). СПб, 1906. 13 с.	Акад. шрифт
2	РНБ Н <u>калм</u> 3-217	« <i>Šaјini todxou üyiledeqsen zula kemēkü oršoba</i> » (Борманжинов М. «Путь к истине». СПб. 1908).	Литогр.
3	РНБ Н <u>калм</u> 2195 ИВР РАН Q4058	« <i>Baazr-dari kemēkü zalbiral oršiba</i> » («Молитва Ваджрадхаре». СПб, 1909. 7 с.).	Литогр.
4	РНБ Н <u>калм</u> 5-8 ИВР РАН Q35	« <i>Erdeni Čōјid ragini enerkü sedkeliyin üüdnēsü eldeb amitani buyun kilince erliq toli bičiqтü iлyaqсан болон Erliq Nomiyim xān amitan-du eldeb suryuli üüldüqsini ene yirtemčiner kilincēsü urбујi buyu бүтēkiyin төлē bičiqsen mön</i> » («О том, как богиня Ердени по своей милосердной мысли различила на зеркале все добрые духовные деяния всех живых существ и о том, как Ерлик Номин Хан (владыка ада и верховный судья умерших) разные поучения производил живым существам для того, чтобы уйти от грехов этого мира. СПб, 1908. 82 с.).	Литогр.
5	КалмНЦ РАН ф. 15, оп.1, ед. хр. 65	« <i>Yertimčiyin ariun caγān tör kigēd erkin nomiyn yosoni šaštir oršoba</i> » («Чистая мирская власть и Шастра о главных законах учения. СПб, 1909. 54 с.)	Литогр.
6	РНБ Н <u>калм</u> 3-218	« <i>Oyuni xarangyuu arilyaxu јindamani erdeni kemekü oršoba</i> » («Драгоценная чиндамани, рассеивающая мрак разума. СПб, 1910. 42 с.).	Литогр.
7	ИВ РАН Q 4059	« <i>Xutuqtu önömnököyин nom-yēr teyin sayidaqsan kemēkü yeke kölgöni sudur oršuba</i> » («Сутра Махяны под названием Ставший совершенным с помощью святого истинного учения» СПб, 1910. 42 л.).	Литогр.
1912–1918 гг.			
8	РНБ Н <u>калм</u> 4-63	« <i>Ibēl yabuulxu sedkel öüskekü</i> », « <i>γurban törölkiteni möriyin kötölbüri</i> » Руководство к ламайскому вероучению. Пер. с тиб. Д. Сетенова. Петроград 1914. 111 стр.	Акад. шрифт
9	Архив автора	« <i>Čikeni xujr gedeq neretei duun orošiba</i> » Боован Б. Услада слуха. Пг., 1916 (28 июня). 18 с.	Литогр.
10	Музей-квартира Ц. Дамдинсурэна (551) ШЗ-198 (МН-1157)	« <i>Tonilxuyn čimiq kemeküü šašatir</i> » «Украшение освобождения». Перевод М. Борманжинова. Пг., 1918. 60 с.	Литогр.

Р. М. Валеев, Р. З. Валеева

Доржи Банзаров и университетское монголоведение в Казани: Архивные материалы и документы (К 200-летию со дня рождения)

(Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 20-09-00385а) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета)

В докладе представлены историко-научные события из истории казанского университетского монголоведения, основные этапы и направления формирования и развития образования и науки о Монголии и монголоязычных народах Российской империи в первой половине XIX в. Прослеживаются взаимодействие и взаимовлияние основных монголоведческих центров Казани и Санкт-Петербурга первой половины XIX в.

Выявлены роль и значение казанского центра монголоведения в формировании плеяды российских национальных ученых и просветителей. Среди известных имен российских востоковедов-монголоведов особое место занимает Доржи Банзаров, выдающийся представитель бурятского народа, а также Галсан Никитуев, Галсан Гомбоев, А. Бобровников. Основное внимание уделено обзору архивных материалов и документов Государственного архива Республики Татарстан, посвященных их жизни и деятельности в Казани и Казанском университете.

В первой половине XIX в. в казанском университетском центре ориенталистики сформировалась плеяда российских востоковедов-монголоведов – О.М. Ковалевский (1800/01 – 1878), Г. Никитуев (род. около 1808 – ?), Г. Гомбоев (1822–1863), Д. Банзаров (ок. 1822–1855), К. Ф. Голстунский (1831–1899), В. П. Васильев (1818–1900), А. А. Бобровников (1821–1865), – заложивших классические научные и просветительские традиции исследования истории и культуры монголоязычных народов Центральной и Восточной Азии.

Широко известно такое уникальное педагогическое и просветительское событие в истории и культуре народов Сибири начала 30-х гг. XIX в., как подготовка и открытие в Троицкосавске русско-монгольской войсковой школы для детей бурятских старшин (открыта в сентябре 1833 г.). Оно имело важное значение для Казанского университета и формирования светской бурятской национальной научной элиты. Данное учебное заведение создавалось с той целью, «чтобы детям старшин четырех бурятских полков доставить средства к нравственному их образованию и к приобретению познаний, необходимых по их званию и назначению» [Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 71. Д. 2237. Л. 305, 313].

Исключительную роль в этих событиях сыграл профессор и монголовец О. М. Ковалевский [Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов), 2020]. Он составил «Положение для вновь учреждающейся по Высочайшему повелению в Троицкосавске войсковой 4 бурятских полков школы». Ученый содействовал приезду в Казань в 1835 г. четверых лучших выпускников школы: Доржи Банзарова, Гырыла Будаева, Доржи Буянтуева и Цогто Чимитова – и принятию их в начале 1836 г. в 1-ю Казанскую гимназию, а также дальнейшему продолжению учебы Д. Банзарова на восточном разряде университета. Востоковед подчеркивал, что выпускники школы сыграют свою роль в практическом освоении монгольского языка гимназистами 1-й Казанской гимназии и студентами университета, а также акцентировал внимание на значимости формирования в бурятском

этническом сообществе первых европейски образованных его представителей. В целом различные материалы раскрывают положительную роль в организации приезда бурятских детей в Казань также попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина, написавшего обращение на имя министра народного просвещения С. С. Уварова о направлении в Казанский университет для продолжения обучения способных к наукам выпускников русско-монгольской войсковой школы.

Ввиду особого просветительского значения упомянутых событий и их гуманистической направленности в перспективе представляется важным подготовить и опубликовать разнообразные материалы Государственного архива Республики Татарстан и других российских архивных центров (Государственный архив Республики Бурятия и др.), посвященные приезду в Казань в 1835 г. воспитанников войсковой школы в сопровождении Галсана Никитуева, ламы Бултомурского дацана, и их учебе и жизнедеятельности в казанский период. Так, например, сохранились свидетельства выпускников об окончании русско-монгольской войсковой школы. В свидетельстве Доржи Банзарова указано, что он «ученик третьего класса, сын отставного пятидесятника Банзара Боргонова, 14 лет, в школу поступил 23 сентября 1833 г., где обучался чтению и письму по-русски и по-монгольски, российской и монгольской грамматике... арифметике первой и второй части и российскому землеописанию... слушал закон «ламской веры» и упражнялся в воинской «экзерциции» и др. В свидетельстве, выданном ламе Галсану Никитуеву, отмечено, что он обучался монгольской и тибетской грамоте и чистописанию, свободно переводил с тибетского на монгольский, читал русские печатные книги, приобрел достаточные сведения по тибетской медицине и астрономии, «имел способность к своей религии», а также приводятся другие важные факты [Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 71. Д. 4340].

Оригинальный пласт архивных материалов связан с педагогической и научной деятельностью в Казанском университете Галсана Никитуева и Галсана Гомбоева. Галсан Никитуев под руководством профессора О. М. Ковалевского готовил тибетско-монгольско-калмыцкий словарь, который включал «около тридцати тысяч слов» «на отдельных листах». Историко-научный и исследовательский интерес представляют материалы архива, посвященные научной командировке Г. Никитуева в Астрахань в 1839 г. с целью пополнения тибетско-монгольско-калмыцкого словаря калмыцкими словами и выражениями. По словам О. М. Ковалевского: «...Составление тибетско-монгольско-калмыцкого словаря... принесет несомненную пользу и самому сочинителю, и студентам нашего университета, которые, изучая монгольский язык, желают познакомиться и с

тибетским, столь богатым религиозными и историческими творениями... издание подобного словаря будет полезно и для ориенталистов» [Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 71. Д. 4960].

В архиве представлен пласт материалов, связанный с поиском в 1840–1842 гг. новой кандидатуры ламы, знающего монгольский и тибетский языки, в связи с планируемым отъездом Галсана Никитуева и рекомендацией Бандида-хамбо-ламы Забайкальских дацанов Данжин-Чойвандоржи Иши-Жамсуев гецула-ламы Кулуннорского дацана Галсана Гомбоева, которые дополняются фондами Государственного архива Республики Бурятия. В апреле 1842 г. Галсан Гомбоев был отправлен в Казань. В июне, по прибытии в город, он был утвержден в должности «надзирателя» 1-й Казанской гимназии [Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 87. Д. 1844].

В целом перспективными направлениями исследований остаются подготовка и публикация комплексного архивного материала, посвященного учебе в 1-й Казанской гимназии и университете, а также казанскому и петербургскому периодам жизни Доржи Банзарова. Среди документов следует выделить свидетельство от 24 июня 1842 г. об окончании гимназии Д. Банзаровым, о награждении его отца денежной премией в размере 142 руб. серебром для поощрения «похвальных усилий за образование сына» и огромный пласт не введенных в полном объеме в научный оборот архивных сведений и фактов о биографии и наследии замечательного сына бурятского народа и выдающегося востоковеда и просветителя Доржи Банзарова.

Д. Н.-Д. Васильева, М. Энхбаатар

Традиция монголов «читать» следы животных

На протяжении веков монголоязычные народы занимаются кочевым скотоводством. Помимо разведения скота, изготовления снаряжения и сбруи, получения и переработки продуктов животноводства, одним из особых навыков монгольских скотоводов является традиция «выслеживания» животных. Поиск животных и их следы, оставленные на поверхности земли в зависимости от сезона года, погодных условий, видов почвы, грунта и пройденного времени, выработали у скотоводов особые навыки брать след, находить след (х.-монг. мөр авах; мөр олох), выслеживать и «читать» (изучать) следы (х.-монг. мөр харах, мөр шинжих). Материалом настоящего исследования послужили отчеты полевых исследований, проведенных в различных аймаках Монголии, а также исторические сочинения и фольклорные тексты. Скотоводы в повседневной жизни используют сочетание «мөр харах» (х.-монг. харах 'видеть; смотреть, присматривать,

наблюдать'), в научных публикациях встречается термин «мөр шинжих», где шинжих 'исследовать, изучать, наблюдать, рассматривать; доискиваться, следить, выслеживать'.

Следы животных, древние тамги (с х.-монг. печать; клеймо, тавро), как пишет Д. Цэвээндорж в труде «Монголын эртний урлагийн түүх» (1999), в большом количестве встречаются на памятниках наскальной живописи, обнаруженных на территории Монголии. Х. Пэрлээ в 1976 г. в рамках исследования «Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь» в ходе сбора и изучения наскальных изображений следов животных и печатей приходит к выводу, что данные следы животных стали впоследствии обозначать родовые печати.

В «Алтан тобчи» Лувсанвандана увидев скрывающегося в воде Тэмуджина Сорхон Шар говорит ему: «Усанд чилмий (ором)-гүй, огторгуйд мөргүй тул чиний ингээж хэвтэх зөв байна» (Т.к. в воде нет отпечатка, в небе - следа, правильно, что ты так лежишь). В монгольском фольклоре есть поговорка: *Гишгэсэн хоёр мөр тамга адил / Хэлэлцсэн хоёр үг дэнс адил* (Два оставленных (протоптаных) следа подобны печати / Два сказанных слова подобны весам). Так, из представленных примеров мы понимаем, что оставленные на какой-либо поверхности следы становятся особыми материальными знаками, своеобразными вещественными метками.

В поисках ушедшего стада, отбившихся животных скотоводы могут выйти на след, исходя из места их ночевки, водопоя, узнать их количество и направление их дальнейшего движения. Подходящее время суток - важное условие для верного «чтения» обнаруженных следов животных. Житель бага Аланбаян сомона Ханбогд Южногобийского аймака Монголии Гомбожавын Дунжгэр из рода Жанжаа (мужчина, 1954 г.р., интервью от 20.04.2014 г.): «Өглөөгүүр юм уу үдээс өмнө л хамгийн гоё тод харагдана. Нар хажуунаас тусахаар үед бол их сайн харагдана. Яг дээрээс нар тусаад байхаар мэдэгдэхгүй, амьтны мөр чинь хажуунаас нар тусахаар сүүдэртэй харагдана, яг дээрээс болохоор сүүдэр нь мэдэгдэхгүй, тэгээд халуунд бол мөрдөхөд хэцүү» ([Следы] лучше всего видны только утром и до полудня. Когда солнце светит сбоку, то [они] хорошо видны. Если солнце светит прямо сверху, то непонятно; в случае, когда на след животного солнце светит с боковой стороны, появляется тень; если [светит] сверху, тени не увидеть, и потом, идти по следу в жару трудно).

Традиция «выслеживания» животных по их следам распространена на всей территории Монголии с ее разнообразием природных зон (лесостепь, степь, полупустыня), но, в зависимости от зоны, типа почвы и т. д., при поиске пропавшего скота в регионах

различные явления становятся объектом внимания скотоводов. Например, в высокогорье Алтая смотрят на то, сдвинуты ли камни в горной местности, имеются ли следы на скалах; в лесостепи и степной зоне всматриваются в примятую животными траву или затоптанную копытами растения. В связи с тем, что в Гоби скудная растительность и пастбища в основном песчаные, идти по следам предпочтительнее в безветренную погоду, поэтому гобийские скотоводы считаются наиболее искусными следопытами в умении «читать» следы верблюдов.

В любой местности поиски скота благоприятны в период, когда выпал снег, образовались снежные заносы, либо земля сырая после дождя. Скотоводы, идущие по следу животных, ориентируются на следы, оставленные вблизи водоемов и сырой земле.

Из крупного скота верблюды и лошади круглогодично уходят на дальние расстояния (например, выпас яков на дальние расстояния только в зимнее время), поэтому знаний скотоводов, как найти их по следам достаточно обширны. В поисках пищи верблюды способны пересечь десятки километров, особенно в конце осени, начале весны. Герой труда Монголии, скотовод сомона Адаацаг Среднегобийского аймака Бямбын Дашзэвэг (мужчина, 1932 г.р., интервью от 2016 г.): *«Тэмээний мөр чинь үрчлээтэй, тэр нь тоотой байдаг юм. Тэрүүгээр нь тооцоо хийнэ, алтан хумс нь хол байна, ойр байна, урт бол газрыг ухаж самарч гишгэсэн байна. Мухар байвал зүгээр илчихсэн байна. Адууны туурай чинь хэмжээтэй. Цагаан дэрс зулгааж аваад хэмжээд тэр мөрнийхөө хэмжээгээр нэлээн газар яваад л энэ мөр мөн үү гэдгийг нь хэмжиж тааруулж үзээд яваад байдаг юм. Ямарваа амьтан чинь туруундаа хээтэй. Хэлбэр нь өргөн, нарийн, халбагар гээд байна»* (След верблюда имеет складки, их определенное количество. По складкам считают, мозольная подушка расположена далеко, либо близко, если [она] длинная, [нога верблюда] наступая на землю вкапывается. Если короткая, то просто поглаживает. Копыто лошади имеет размер. Срываешь чий блестящий (х-монг. цагаан дэрс) и измеряешь, далее, основываясь на тот размер следа, проезжаешь продолжительное расстояние, проверяя действительно ли он. Копыто каждого животного имеет узор. Форма бывает широкой, узкой и широкой в середине).

При «чтении» следов лошадей так же имеются свои особенности. Скотовод из 3-го бага сомона Цагаандэлгэр Среднегобийского аймака Шаравын Гомбо из рода Борджигин (мужчина, 1930 г.р., интервью от 2015 г.): *«Адууны урд хөл, хойд хөл муруй байна уу, тэгш байна уу туурайг ажигла. Туурайны дундахыг ажигла. Дунд талын туурайгаар хаашаа явсан нь мэдэгддэг»* (Обрати внимание на следы копыт передних и задних ног лошади, кривые они или ровные. Посмотри на середину следа от копыт. По средней части следа

можно узнать направление движения лошади).

Кроме того, по следам можно понять и другие специфические характеристики животного, как слепота или плохое зрение, хромота, шел спокойным шагом, либо испугался чего-то. Например, признаки того, что животное прихрамывает: «*Доголон нь багахан байх юм бол хумсаа чирээд явна, их байх юм бол бүүр хөлөө чирээд*» (языковой консультант - Лоолойн Сүхээ из рода Мангууд) (Если хромота небольшая, то волочит копыто (ноготь, ногтевая пластина), если сильно хромотает, то уже тащит ногу).

В ходе исследований мы зафиксировали более 40 словосочетаний, обозначающих виды следов диких и домашних животных, и выражений, связанных с поиском ушедшего скота по их следам.

Например, под *шинэ мөр* 'новый, свежий след' подразумевается свежий след, оставленный животным не более одного дня назад. В зимний период край у такого следа, оставленного животным на снегу, незамерший и легко рассыпается. *Хуучин мөр* 'старый след' называется след, срок которого от двух до трех суток. *Улингарсан мөр* - это след, оставленный животным на давно выпавшем снегу, подтаял, снова замерз и края его стали гладкими. *Улбаа мөр* (ср. мөр улбаа парн. 'следы; отпечатки'). Обычно такие следы можно увидеть рядом с дорогами. Следы представляют собой тропинку, протоптанную скотом. Называют *үхрийн улбаа*, т. к. крупный рогатый скот идет друг за другом и такого рода тропинок может быть несколько. *Бор мөр* называют достаточно старый след (х.-монг. бор 'серый; перен. невзрачный').

Традиция монголов «читать» следы животных создавалась веками на основе тройственной связи «скот - скотовод - пастбище». Для монгольского скотовода-кочевника умение находить ушедший или отбившийся скот по его следам является неотъемлемой частью повседневной жизни, но необходимо отметить, что хранителей традиционной культуры с каждым годом остается все меньше.

Б. Дайриймаа

Характеристика сказочных материалов из фонда Лаборатории родного языка и письменности” института языка и литературы АНМ

Фольклорные материалы, хранящиеся в фонде Лаборатории родного языка и письменности института языка и литературы АНМ формировались с официального начала научной экспедиции 1950-го года до 1990-го года. На данный момент в фонде имеется 450 рукописных папок, примерно 800 магнитофонных материалов. В рукописных папках

сохранилось более 1300 сказок. По результатам регистрации и каталогизации материалов фонда 2022–2004 гг, было установлено, что в письменных папках хранится более 1300 сказок, что отражено с каталоге «Монгол аман зохиол, нутгийн аялгууны хөмрөгийн бүртгэл. Гар бичмэл хэрэглэгдэхүүн», изданном в Улан-Баторе 2004 («Каталог фонда монгольского фольклора и диалектов. Рукописные материалы». Уб., 2004). Записи в основном были сделаны на старомонгольской письменности (иногда – скорописью), а также – на кириллице. Встречается кириллическая фонетическая транслитерация и редко – машинопись. Имеются также аудиозаписи сказок и их расшифровки.

По содержанию, большинство из сказок варьирующие, что является одной из основных характеристик структуры и сюжета, композиций народных сказок. Есть сказки регионального характера. Например, в ряде сказок, записанных в Южно-Гобийской аймаке наблюдается явное влияние китайских письменных и устных традиций.

Большинство сказок, хранящихся в Лаборатории родного языка и письменности ИЯЛ АНМ опубликованы. Имеются научные и научно-популярные издания. В научно-популярных изданиях сказки вышли в художественно-стилистической обработке. Научные издания имеют предисловие и научный комментарий. Многие сказки еще ждут своего издателя.

Б. Дайриймаа

Монгол улсын ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэнгийн “Эх хэл бичгийн сан хөмрөг, лаборатори”-д хадгалагдаж буй ардын үлгэрүүдийн онцлог шинж

ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэнгийн “Эх хэл бичгийн сан, лаборатори”-ийн ардын аман зохиолд хамаарах эх хэрэглэгдэхүүнүүд нь 1950-иад оноос албан ёсоор эхэлсэн эрдэм шинжилгээний экспедицийн үеэс бүрдэж эхэлсэн юм. Аман зохиолын зүйлийг цуглуулах үйл явц 1990-ээд оныг хүртэл үргэлжилжээ. Энэ хугацаанд тус хүрээлэнгийн судлаачид монгол орны аймаг, сумдаар явж иргэд, ардын авъяастнуудаас аман зохиолын төрөл зүйл бүрийг бичиж тэмдэглэн, соронзон хальсанд буулган авч байжээ. Өдгөө гар бичмэл эх материалын хавтас 450, соронзон хальсны материал 800 гаруй хадгалагдаж байна. 2002-2004 онуудад хийгдсэн сан хөмрөгийн эх материалуудыг бүртгэн, каталогизуулах ажлын үр дүнд бичмэл хавтсуудад хадгалагдаж байгаа үлгэр 1300 гаруй байна гэдэг тоо баримтыг гаргажээ (“Монгол аман зохиол, нутгийн аялгууны хөмрөгийн бүртгэл. Гар бичмэл хэрэглэгдэхүүн. Уб., 2004”).

Сан хөмрөг дэх гар бичмэл үлгэрүүд ерөнхий **хэлбэрийн хувьд** монгол бичгээр, таталган монгол бичгээр, кирилл үсгээр мөн тухайн үеийн бичгийн машинаар бичсэн,

авианы болон үсгийн галигаар (кирилл) гэх мэтээр хэд хэдэн янз байна. Мөн соронзон хальсанд буулгаснаа дараа нь бичгээр тэмдэглэсэн үлгэрүүд ч тохиолдоно.

Агуулгын хувьд ардын үлгэрийн бүтэц, зохиомж, өгүүлэмжийн нэг гол шинжийг илтгэх хувилбарт үлгэрүүд олон байна. Мөн бүс нутгийн шинж чанартай яригдаж байсан үлгэрүүд цөөнгүй тохиолдоно. Тухайлбал, Өмнөговь аймгийн нутгаас тэмдэглэж авсан зарим үлгэрүүдэд хятадын утга зохиол, аман зохиолын нөлөө илт орсон байх ажээ.

Манай сан хөмрөгт хадгалагдаж байгаа үлгэрүүд ихэнх нь уран сайхны боловсруулалт хийгдэж, эрдэм шинжилгээний болоод практик зориулалттайгаар хэвлэгдэж гарсан хэдий ч бүс нутгийн шинж чанартай, мөн бичгийн зохиолоос гаралтай гэх мэт хэсэг бүлэг хэвлэгдээгүй үлдсэн үлгэрүүд бас байдаг юм.

Л. С. Дампилова

Оппозиция свой / чужой в русских и бурятских преданиях о баргутах

Локальная «этнокультурная панорама» имеет ведущее значение при изучении традиционного фольклора, хотя в настоящее время трудно найти носителей аутентичной «классической» фольклорной традиции. Актуальным представляются компаративные исследования локальных преданий при освоении нового ландшафта русскими переселенцами в сравнении с преданиями коренных народов. Особый «почерк» пришельцев на чужую землю проявляется «в характере насыщения семиотического поля внутри культурного ландшафта, в формировании этнокультурных стереотипов, позволяющих дифференцировать явления окружающего мира по принципу «свое — чужое» [Андреева 2014: 18]. Имагологический метод анализа позволит воссоздать процесс формирования образа чужого (баргута) в русской традиции в сравнении с бурятским своим видением данного фольклорного образа.

В пространстве неизолированного контакта двух разных культур вопрос об идентичности напрямую связан как с вопросом их взаимосвязей, так и маркировкой своих и чужих пространственных, временных, персонажных и цветовых кодов. В данной работе проводится сравнительный анализ преданий о баргутах, записанных у русских и бурят. Предания о баргутах, записанные у русских информантов, относятся к микролокальной традиции. Записи сделаны только в Баргузинском районе Бурятии, и связаны с именем племенного этноса баргут, который жил до XVI в. в Забайкалье, долине р. Баргузина. Знаменателен факт, что русские и буряты эхиритского племени в Баргузинской долине появились почти одновременно после исхода баргутов более чем через сто лет.

Из всех записанных преданий о баргутах, у русских и бурят сохранилось одно общее предание об исходе баргутов с исконных земель. По данным Б. Зориктуева,

«баргуты, до прихода русских на их земли, примерно в 1629 г., по неизвестным причинам покинули свою родину около Байкала и ушли на восток» [Зориктуев 2021: 4]. Современные буряты эхиритского племени пришли в Баргузинскую долину после появления русских на их исконных землях в Верхоленье. К их приходу в этой местности жили эвенки и только появлялись первые русские. Особо интересен для нас факт, что у эвенков сохранилось предание о том, что по соседству с ними, задолго до прихода русских и бурят, жил народ, называвшийся баргут. «Эти баргуты были не тунгусами и не бурятами. Их отличал высокий рост, большое трудолюбие, занятие хлебопашеством. Однажды они заметили, что в долине начала расти белая береза. Это было воспринято ими как предзнаменование прихода белых людей. Боясь их, баргуты решили покончить с собой, умертвив себя под обрушившейся, специально для этого сооруженной кровлей» [Шубин 1973: 8, 9]. И это предание можно рассматривать как исходный вариант для вновь прибывших народов в Баргузинскую долину.

У баргузинских бурят общеизвестно предание, что баргуты вынужденно покинули эту местность, когда начала расти белая береза и появился белый зверек с черными кончиками ушей. В эвенкийской и бурятской версиях исхода баргутов единым является мотив появления березы как признака чужого, смертельно опасного цветового кода. В бурятской версии предания о белом дереве, скорее всего воспринятой ими от аборигенов края эвенков, добавляется для большего семиотического накала и белый зверек.

Русские предания о баргутах всесторонне исследованы Е.Л. Тихоновой по итогам ее многолетних полевых изысканий [Тихонова, 2018]. В предании об исходе баргутов явно наблюдается большее сходство с эвенкийским вариантом: «Ну, раньше были баргуты, это давно поколение-то, но оне уничтожали себя, когда пошла береза, услышали, что белый люд будет. В долине там и делали царай, камни накладывали, подсекали, уничтожали сами себя» (Зап. Матвеева Р.П. от Гаськова Ивана Ивановича, 1906 г.р., русск., с. Большое Уро Баргузинского р-на РБ, 1982 г.) [ЦВРК ИМБТ, инв. № 2322, л. 57]. Мотив самоубийства, распространенный в русских и бурятских преданиях Забайкалья и Прибайкалья о чуждых, враждебных племенах и народах, может носить универсальный характер.

В русских преданиях мотив самоубийства баргутов вполне мог быть взят от эвенкийского источника. Если в эвенкийском нарративе только констатируется факт самоубийства, то в русских преданиях причина самоубийства раскрывается в дополнительных разъяснениях: «Они не хотели менять своих устоев и стали убивать сами себя. Бросались со скал, топились в реках» (Зап. Соболева Н.В. от Башкир Тэмы

Яковлевны, 1909 г.р., еврейки, с. Баргузин Баргузинского р-на РБ, апрель 1971 г.) [ЦВРК ИМБТ, инв. № 2139, п. 3, л. 44.]. В эвенкийском предании конкретно указывается метод самоубийства более похожий на обрядовое действие, тогда как в русских преданиях трансформируются методы самоубийства, приобретая по собственной фантазии: сами себя погребают в ямах, бросаются со скал, топятся в реках.

От русских Баргузинской долины в разных селах записано множество вариантов преданий о баргутах. По археологическим исследованиям в регионе есть обозначенные места как баргутские оросительные каналы, ямы, мельницы. Подобные факты явились поводом для появления дополнительных мифологических нарративов, как, например, если около села Уро находятся баргутские ямы, то там рассказывают о самозакапываниях в этих ямах. Примечательно, что в бурятских селах полностью отсутствуют предания подобного характера о баргутах. А буряты, проживающие в русских поселениях, могут рассказывать эти предания точно по русской традиции.

Причиной исчезновения аборигенов края у всех трех народностей Баргузинской долины является единый мотив появления белой березы в хвойном лесу. Итак, в преданиях об исходе баргутов с исторической родины маркируется оппозиция «свой – чужой» через цветовую символику «белый – черный», фитосимволику «березовый – хвойный». Скорее, всего, источником формирования образа «чужого» в русской традиции явились эвенкийское предание и сведения об археологических изысканиях. По мнению Е.Л. Тихоновой, «бытующие в забайкальском локальном репертуаре среди русского населения предания о баргутах стоят в одном типологическом ряду с преданиями об аборигенах края других региональных и этнических традиций» [Тихонова 2018: 9]. В данном случае по оппозиции «свой – чужой» баргуты для бурят более близкое, родственное племя, и в бурятском предании однозначно баргуты покидают эту местность. Думается, устойчивый мотив ухода, а не самоубийства связан с реальными событиями исхода баргутов в сторону Амура.

Литература:

Баргуты Китая: монография / Б. Р. Зориктуев, Е. В. Сундуева, Д. М. Маншеев, С. Б. Болхосоев, Н. Н. Николаева. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2021. — 282 с.

Тихонова Е. Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов Байкальского региона: автореферат диссертации ... доктора филологических наук: 30.12.2018. – Улан-Удэ, 2018. – 62 с.

Шубин А. С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII – XX вв.). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. – 108 с.

Г. А. Дорджиева

К вопросам изучения *частр ут дун*

Частр ут дун (протяжные песни с религиозным содержанием) составляли важную часть устной традиции калмыков. Отметим также, что *частр/шастр/шашина ут дун* до настоящего времени активно бытуют в ойратских анклавах Монголии и Китая.

Введение в научный оборот архивных материалов позволяет уточнить содержание и полноту калмыцких песенных текстов. Основной темой доклада являются полевые и опубликованные записи песни ‘Шаңһтахн шарһ мөрн’, в том числе материалы Шамбы Саджиракова и А.М. Позднеева из Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН, которые были опубликованы в транслитерации Б. Меняева в работе «Калмыцкие народные песни и мелодии XIX в. (по архивным и опубликованным материалам). Сост. Б.Х. Борлыкова. Элиста: 2015».

Применяя методику, предложенную Агнес Бирталан в работе «A. Birtalan. Zakhchin (West-Mongolian) folksongs with the Buddhists content / Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Volume 61 (4), 415–429 (2008)» при анализе религиозных песен захчинов, докладчик выделяет тематические группы, которые можно назвать универсальными для западномонгольских текстов: восхваление монахов; восхваление монастырей; буддийские ритуалы. Вместе с тем, ведущей и характерной для калмыцких песен выступает тема просьбы о защите. В песенных текстах ‘Шаңһтахн шарһ мөрн’, ‘Зу гидг һазр’ и ‘Мандлж һарсн нарнь’³ прослеживаются не только общие поэтические мотивы, но и единое содержательное поле значений. Текст ‘Мандлж һарсн нарнь’ является описанием ритуала вывешивания *дарцг*, молитвенных флагов определенного цвета с изображением *ки-мөрн* (обряд предотвращения неблагоприятных ситуаций). Возможно предположить ассоциативную связь между описанием *шаңһтахн* (буквально, грива с многочисленными прядями, то есть развевающаяся на ветру грива) и каноническим изображением *ки-мөрн*. Следует также отметить высокий статус масти *шарһ* в ойратских традициях: масть богатырского коня в эпосе Джангар; масть двух скакунов Чингис-хана в протяжных песнях хошутов Алшаа Внутренней Монголии, что наглядно продемонстрировано в работе «Нэгэн хоолойн есөн цацал. Монгол гэрийнуусэл хогжлийн туух. Улаанбаатар, 2007. (Selected Alashan folk songs. Орэгзэдмаа. Inner

Mongolia publishing group Mongolian culture audio visual publishing house. Editor: Sunwei Guangbatu, 2007). P. 439; CD 6 #15».

В докладе будет представлена песня ‘Шаңтахн шарһ мөрн’ (записи 1993, 1997 гг.) из собственного архива докладчика в исполнении М.С. Кукуджаевой (р. 1920, баг дербет, манджикин, п. Чолун-Хамр). Этот одностроочный напев (музыкальный период охватывает одну поэтическую строку) представляет собой лаконичную интонационную формулу, характерную для обрядовых песенных форм.

Содержание и значение рассматриваемых *частр ут дун*, несомненно, связаны с обстоятельствами исторической судьбой калмыков, при которых буддийская идея принятия прибежища воплотилась в многообразных традиционных вербальных формулах просьбы о защите.

Ю. И. Дробышев

Образ Чингис-хана в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина

Знаменитый персидский историк и политический деятель Фазлуллах Рашид ад-Дин Хамадани (1247–1318) оставил среди своего творческого наследия самый информативный источник сведений о Монгольской империи – «Сборник летописей», составившийся в годы правления ильханов Газана (1295–1304) и его брата Олджейту (1304–1316), которым он служил. Помимо богатейшей информации о предыстории и истории империи, он зафиксировал многочисленные рассказы и легенды о Тэмучжине/Чингис-хане. Из своих источников он называет, в частности, некий «Золотой свиток» («Алтан дафтар»), хранившийся в ханской сокровищнице, под которой исследователи иногда понимают сохранившееся в китайском переводе произведение «Шэн-у цинь-чжэн лу» («Описание личных походов священно-воинственного [императора Чингиса]»), видимо, основанное на «Сокровенном сказании монголов». Кроме того, автор имел в своем распоряжении целый ряд других сочинений, в том числе «Историю завоевателя мира» Ата-Мелика Джувейни (1226–1283), а также монголов – прекрасных знатоков своей истории.

По-видимому, стереотипный эпитет Чингис-хана «завоеватель мира» Рашид ад-Дин заимствовал у Джувейни, у которого он также взял мощный пласт информации о западном походе монголов в 1219-1224 гг. Собственно говоря, этот поход и его дальнейшие последствия, вылившиеся в установление монгольской власти в Иране, Ираке, Закавказье и Малой Азии, для мусульманских историков той эпохи были равнозначны покорению монголами «всего мира», тем более, что они имели довольно хорошее представление об

их колоссальных военных успехах также на Дальнем Востоке, в Дашт-и Кипчаке и Восточной Европе. Поэтому названный эпитет оказался вполне уместным. Но какая личность скрывается за ним?

Как перед любым придворным историком, перед Рашид ад-Дином стояла задача продемонстрировать полную и неоспоримую легитимность правления ильханов, сообразно чему он обязан был показать абсолютную законность претензий на власть их предка – Чингис-хана, все военные предприятия которого, конечно же, совершенно справедливы. Уже во введении он изображает Чингис-хана как борца с незаконными, гордыми, нечестивыми врагами, которых сравнивает с известными персонажами Корана и иранской мифологии.

В принятой автором системе нравственных координат противником Чингис-хана не может оказаться благородный правитель, поэтому все разбитые им враги сами виноваты в своей гибели, следовательно, покорение им чужих земель и подчинение (и даже уничтожение) прежних господствовавших династий всецело оправданно. Чингис-хан несет в мир не разорение, а порядок: он «замирает», «устраняет смуту», «обуздывает гордых» и т.п. Поэтому всякий, кто претендует на независимость, автоматически становится смутьяном и узурпатором, и должен быть наказан. По сути, персидский историк воспроизводит идеологические устои Монгольской империи, согласно которым в мире лишь одна она является законным государством. И хотя ко времени составления «Сборника летописей» среди Чингисидов давно уже не было единства, они продолжали держать крепкую власть над огромными просторами Евразии.

Сформулированная Рашид ад-Дином чингисидская политическая программа подается читателям как навеки одобренная Свыше, и в этом она ничем не отличается от убеждений самих монгольских ханов. Де-факто произошедшая силой оружия легитимация монгольской власти подкрепляется религиозной легитимацией. Еще в «Сокровенном сказании» неоднократно утверждается устами самого Чингис-хана, что он добивался побед с помощью небесной силы. Этот взгляд принят и Рашид ад-Дином, обычно именуя монгольское Вечное Небо «всевышней истиной» или «всевышним богом», неуклонно помогающим своему избраннику. Более того, в известном эпизоде с «проповедью» Чингис-хана в захваченной им Бухаре он берет на себя ответственность вещать от имени Неба: «О люди, знайте, что вы совершили великие проступки, а ваши вельможи – предводители грехов. Бойтесь меня! Основываясь на чем, я говорю эти слова? Потому что я – кара господня. Если бы с вашей [стороны] не были совершены великие

грехи, великий господь не ниспослал бы на ваши головы мне подобной кары!» Факт произнесения этих слов не бесспорен, но они в полной мере соответствуют представлениям монголов в XIII в. о своей небесной миссии.

Вне всякого сомнения, Чингис-хан в «Сборнике летописей» - мудрый создатель государства, все свои силы прилагавший для расширения и укрепления подвластных территорий. Его внешне- и внутривполитические шаги подчинены этой цели, а ограбление соседних народов и массовые убийства, в том числе женщин и детей, разрушение городов, осквернение храмов и тому подобное – лишь неизбежные побочные эффекты его справедливых войн. Он показан как великий правитель даже тогда, когда его власть еще не была прочной. В то же время нельзя сказать, что Рашид ад-Дин нарисовал образ фанатичного завоевателя, каким нередко предстает в литературе Тамерлан (1336–1405). Он ни разу не приводит каких-либо высказываний, якобы произнесенных Чингис-ханом, о его желании покорить всю вселенную, о возложенной на него небесной миссии объединить все человечество или о том, что его сыновья обязаны продолжить захват всех известных стран и народов. Вместо этого персидский историк сообщает о Тэб-Тэнгри (Кокэчу), возможно обладавшем какими-то шаманскими способностями, который от имени Вечного Неба внушал Чингис-хану идеи всемирного господства: «Бог повелел, чтобы ты был государем мира!»

По-видимому, Чингис-хана нельзя назвать превосходящим других своей отвагой, о чем писал еще Л.Н. Гумилев. Произведение Рашид ад-Дина также не дает таких оснований, но в нем акцентируются другие черты характера, необходимые степному вождю, прежде всего щедрость. Чингис-хан в нарративе Рашид ад-Дина «эпичен», «монументален». В то же время, он показан как живой человек, а не превратившийся в абстрактный символ высшей власти. По-видимому, в значительной степени это произошло благодаря стилю автора, избегавшего перегрузки текста украшениями, столь характерными для средневековой персидской историографии. Да и сам Чингис-хан, насколько мы можем судить на основании совокупности источников, отличался простотой характера. Всякого рода церемонии были ему чужды.

Из более поздней монгольской литературы известно, что Чингис-хан со временем приобрел характер демиурга, но можно уверенно предположить, что эта традиция была заложена еще в имперскую эпоху, что не ускользнуло от внимания Рашид ад-Дина. Чингис-хан в его повествовании творит упорядоченный мир из социального хаоса, в котором, по его собственным словам, до него пребывали народы.

Подобно пророку, Чингис-хан дал своим потомкам законы – *ясу*, и предостерег, что если они будут пренебрегать ими, созданное его усилиями государство придет в упадок, и тогда «будут страстно искать Чингиз-хана, но не найдут». Помимо *ясы*, ему приписывают мудрые изречения – *билики*, которые можно видеть и в книге Рашид ад-Дина. Они затрагивают разные вопросы, в основном, государственного управления, и, возможно, по большей части действительно принадлежат Чингис-хану.

Б. Дэмбэрэлмаа

Концепт “сэтгэл-душа” в романе “Тунгалаг тамир”

В последние годы возрос интерес лингвистов к изучению концептов внутреннего мира человека. Сопоставительные анализы концептов внутреннего мира человека позволяют выявлять особенности языковой картины мира народов. Цель настоящей работы заключается в представлении семантической характеристики концепта “сэтгэл-душа” в романе Ч.Лодойдамбы “Тунгалаг тамир”. Методом сплошной выборки нами было отобрано 314 примеров с компонентом сэтгэл. Далее, мы попытались выявить наиболее частотные значения и оценить семантический объём концепта сэтгэл в романе “Тунгалаг тамир”.

Ю. И. Елихина

Монгольские серебряные печати из коллекции Государственного Эрмитажа

В коллекции государственного Эрмитажа имеется 16 серебряных печатей. Они поступили в 1934 г. из Монетного Двора. Еще одна печать расколота на три части, вероятно, все эти предметы готовили для переплавки.

Серебряные печати имели широкое хождение на территории Монголии и Синьцзяна, выдавались такие печати местным чиновникам китайцами, т.к. Монголия с середины XVII в. находилась под властью маньчжурской династии Цин (1644-1911). В Синьцзяне жили ойраты, западные монголы.

После падения китайской династии в Монголии бытовали печати местного изготовления. Серебряные печати не представляют собой особой художественной ценности, интересны надписи на них, из которых становится понятна дата изготовления, место бытования, название должности чиновника и его общественное положение. Печати достаточно массивны, несмотря на небольшие размеры каждая из них весит около пяти

килограмм. Ручки печатей делались в виде двойной или тройной ратны, буддийской драгоценности. Реже встречаются ручки в виде тигра.

Монголия в период маньчжурского правления получила новое территориальное деление на хошуны. Каждым хошуном управлял чиновник, под названием дзасак, ведавший административными, военными и судебными делами. Территориальные границы каждого хошуна и каждый дзасак утверждался Богдо-гэгэном, верховным правителем. Дзасаки и их помощники дзахирагчи, их было четыре, являлись обладателями серебряных печатей, которые выдавались маньчжурским императором. И только Богдо-гэгэн обладал золотой печатью.

Много монгольских печатей было опубликовано. Так на одной из них имеется надпись на монгольском и маньчжурском языках: «печать халхаского Цэцэн-хана» «Qalq-a-yin sečen qan-u tamaγ-a» (перевод автора). Эта печать имеет ручку в виде тигра. Аймак Цэцэн-ханов располагался в восточной части Халхи. В 1633 г. правители аймака приняли ханский титул. Род Цэцэн-ханов восходит к роду Борджигинов.

Многие монгольские печати, отлитые после Синьхайской революции 1911 г., имеют символ соёмбо. Так в 1686 г. Дзанабадзар, первый Богдо-гэгэн, духовный правитель Монголии, назвал новую письменность. Печать самого Дзанабадзара хранится в Музее Богдо-хана. Соёмбо основано на письменности ланчжа, которой было удобно транскрибировать санскритские и тибетские термины. Название соёмбо представляет собой монгольское искажение санскритского слова «сваямбху», т.е. «саморожденный». Но если письменность не получила широкого распространения, то символический знак, с которого начинались тексты, стал символом независимости и государственности. Соёмбо и по сей день украшает герб, флаг и денежные купюры Монголии.

Каждый элемент знака, кроме своего буддийского толкования имеет более древнее значение.

Число хошунов постоянно возрастало: если в 1655 г. их насчитывалось всего 8, то в 1725 г. было уже 74, потом их число также увеличивалось. Дзасак – владетельный хан, возглавлявший хошун, утверждался в звании маньчжурским императором.

Печати дают информацию о системе маньчжурского управления в Монголии, о структуре и организации государственной власти, о датировке самих печатей. Они хорошо

читаются, и на многих надписях начинается с географического названия, что свидетельствует о местах бытования печатей.

Т.В. Ермакова

Научные связи В.Л. Котвича и Ф.И. Щербатского

Доклад посвящен установлению научно-биографических факторов, в совокупности обусловивших публикацию Ф.И. Щербатским в 1934 г. двух статей в польском журнале «Rocznik Orjentalistyczny», главным редактором которого был В.Л. Котвич.

Актуальность темы состоит в демонстрации ресурса биографического метода в исследовании истории востоковедения, восстановлении малоизученных аспектов научной и научно-организационной деятельности В.Л. Котвича.

Ф.И. Щербатской и В.Л. Котвич были сослуживцами на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. Существенный факт биографии В.Л. Котвича — совмещение им университетской карьеры со службой в канцелярии министерства финансов (1895–1917). Именно это обстоятельство повлияло на возможность привлечения его к работе, требующей востоковедной подготовки, но в которой предполагалось государственное финансирование. Так, именно министерство финансов представлял Котвич в РКИСВА, в составе которого также были Ф.И. Щербатской и С.Ф. Ольденбург.

С начала преподавания на кафедре монгольской и калмыцкой словесности Котвич использовал буддийский материал. С 1904 г. в программе его занятий обозначены «краткий очерк истории буддизма», «чтение буддийских текстов». Это тематическое пересечение с проблематикой исследований буддологов-современников С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского прослеживается в биографии Котвича и в дальнейшем. В 1904 г. Котвич участвует в публикации русского перевода «Путешествия в Тибет» Сарат Чандра Даса. Фактически он выступил научным редактором, расширил справочный аппарат, написал обширное предисловие. Предисловие представляет собой очерк истории путешествий в Тибет, включая обзор российских экспедиций. Существенно, что эта работа Котвича предварила опубликованный позднее сериал рецензий С.Ф. Ольденбурга «Новые книги о Тибете».

В.Л. Котвич совместно с профессиональными буддологами участвовал в работе строительного комитета Санкт-Петербургского буддийского храма, в послереволюционный период содействовал освобождению А. Доржиева из заключения.

Последний факт отражен в биографическом сочинении А. Доржиева, архивные разыскания об этом провел А.И. Андреев.

Начиная с 1920-х гг. до отъезда Котвича в Польшу он руководил и преподавал в ЛИЖВЯ, в деятельности которого принимал активное участие Ф.И. Щербатской.

Приведенные факты из научных биографий В.Л. Котвича и Ф.И. Щербатского свидетельствуют о наличии тематических научных и научно-организационных пересечений.

Поэтому закономерно выглядит обращение Ф.И. Щербатского в журнал, возглавляемый Котвичем, в период отбрасывания буддологической проблематики на периферию отечественных востоковедных исследований.

Ч. Заяасүрэн

Хүүхдийн оюун ухааны хөгжилд аман зохиолын бага төрөл нөлөөлөх нь

Монголчууд хүүхдээ нялх балчир үеэс оюун ухааныг нь хөгжүүлэх зорилгоор олон янзын аман тоглоомыг ашиглаж ирсэн. Монгол ардын тоглоом наадгайн үг хэллэгийн дотор оньсого, таавар, ертөнцийн гурав, хуруу гарын тоглоом хэрхэн нөлөө үзүүдэг болохыг жишээ баримтаар тодруулж, өөрийн санал дүгнэлтээ дэвшүүлэхийг зорив.

Жишээлбэл, Оньсого нь томчууд, хүүхдийн сэтгэн бодох чадварыг нэмэгдүүлэх, оюун ухааныг хөгжүүлэх зорилготойгоор зохиогдсон, аман зохиолын бага төрөл зүйлийн нэгэн хэсэг. Энэ нь “хүүхдийн оюун ухааныг задлан хөгжүүлдэг сургалтын чухал хэрэглүүр болох ба ардын оньсого таалцаж оюуны хурд хүчээ сорьдог нь монголчуудын дунд тогтсон хэв заншил” (Цамц, 2020:63) нь бидний үед уламжлагдан иржээ.

Хүүхэд Ертөнцийн гурав, оньсого тааврыг тааснаараа нэг юмыг ижил төстэй зүйлтэй нь харьцуулах, эргэцүүлэн бодох, аливаа зүйлийн цаад учир утгыг олох, мэддэггүй байсан зүйлээ мэдэж авдаг. Эдгээр тоглоом наадмын үг хэллэг нь нүүдэлчдийн өдөр тутмын ахуй амьдралаас урган гарган байдаг.

И. М. Захарова, М. В. Мандрик

**О подготовке частной торгово-промышленной и ученой экспедиции братьев
Бутиных в Китай в 1870 г.**

Летом 1870 г. торговым домом братьев Бутиных была организована частная торгово-промышленная и ученая экспедиция в Китай через восточную Монголию для исследования нового торгового пути между Забайкальской областью и Империей Цин¹.

Китай, будучи закрытым государством, строго регламентировавшим отношения со своими западными соседями, издавна являлся объектом постоянного внимания со стороны русских промышленников, купцов и путешественников. Однако фактически единственными торговыми воротами из России в Китай в XVIII – первой половине XIX вв. являлась Кяхта, через которую осуществлялась чрезвычайно важная в экономическом отношении для обеих стран меновая торговля. Однако с середины XIX в. кяхтинская торговля из-за неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры стала клониться к упадку. После победы в Первой опиумной войне с Китаем (1840–1842) Великобритания получила право внутренней торговли в стране через южные порты Гуанчжоу, Сямэнь, Нинбо, Фучжоу и Шанхай². Кяхтинское купечество, начиная с 1840-х гг. регулярно обращалось к правительственным кругам с просьбами о защите единственного сухопутного торгового пути в Китай, обращая внимание на важность для российской и монгольской экономики этой торговли³. Попутно представители торгово-промышленного капитала искали пути спасения торговли с Китаем самостоятельно. Так, не опустившее рук российское купечество, используя старинный и не запрещенный опыт караванной торговли, решило организовать в 1861 г. торговый караван в Пекин. Караван под руководством кяхтинского купца И.А. Нерпина должен был «<...> открыть с Китаем новый путь торговли, по местности изобилующей водою более населенной, а именно чрез ворота Души-кэу, лежащие на восток от Калгана, в расстоянии двух сот верст»⁴. Караван успешно проследовал по территории Монголии, а в Китае по требованию властей вынужден был изменить намеченный путь движения, не добравшись до столицы Цинской империи⁵.

Несмотря на не совсем удачный опыт возобновления караванной торговли в 1861 г. идея поиска новых, более выгодных с экономической и географической точек зрения,

¹ Захарова И.М., Мандрик М.В. Описание нового торгового пути из Забайкальской области в Китай экспедициями М.Д. и Н.Д. Бутиных 1870 и 1881–1882 гг. // Международные научно-практические Петербургские чтения. Сохранение культурно-исторического наследия и формирование исторической памяти: Материалы международной научно-практической конференции (14–16 ноября 2019 года). В 3-х частях. Часть 1. Сб. статей. СПб.: ВШТЭ СПбГУПТД, 2020. С. 147–153.

² Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цин. XVII – нач. XX века. М., 2005. С. 392.

³ Носков И.А. Кяхтинская торговля за последние восемь лет. СПб., 1870. С. 10-11.

⁴ Носков И.А. Кяхта: [О Кяхтинской торговле чаем]. Иркутск, 1861. С. 18.

⁵ Там же. С. 19.

торговых путей в Китай продолжила оставаться актуальной в среде сибирского купечества.

Так, в конце 1860-х гг. Нерчинские купцы 1-й гильдии Михаил и Николай Дмитриевичи Бутины «желая расширить и оживить торговлю с Китаем» решили организовать «для исследования пути между Забайкальским краем, Пекином и Тянь-Дзином» торгово-промышленную и ученую экспедицию в Китай⁶. Согласно плану братьев Бутиных экспедиция должна была открыть более короткий, по сравнению с кяхтинским, тележный путь между Пекином, Тянь-Дзином и Забайкальской областью. К началу 1870 г. теоретическая подготовка экспедиции по новому торговому пути была завершена. Оставалось получить разрешение руководства Восточной Сибири. 14 января 1870 г. М.Д. Бутин направил председателю Совета Главного управления Восточной Сибири⁷ докладную записку с просьбой поддержать намеченную торговым домом братьев Бутиных экспедицию⁸. Однако к середине марта 1870 г. ответа от главы Восточной Сибири не последовало. Не имея официального разрешения, но при этом, не желая отказываться от отправки экспедиции в Монголию и Китай весной 1870 г., то есть в самое удачное для поездки по степи время года, братья Бутины, по примеру кяхтинского купечества, вынужденного спасать местную торговлю своими силами, решили заручиться поддержкой крупного купца и промышленника И.А. Носкова.

14 марта 1870 г. Бутины отправили И.А. Носкову «как к сильному представителю торговых интересов <...>» в Санкт-Петербург телеграмму с просьбой «хлопотать о дозволении» нового торгового пути из Нерчинска в Пекин⁹. И.А. Носков, имевший большие связи в дипломатических и чиновничьих кругах, сумел оказать Бутиным быструю и всестороннюю помощь в получении разрешения на организацию экспедиции не только со стороны Министерства иностранных дел, но и находившегося в январе – апреле 1870 г. в Санкт-Петербурге китайского посольства¹⁰.

Получив одобрение Министерства иностранных дел и китайского посольства, Бутины могли бы считать дело с экспедицией решенным в свою пользу, если бы 9 апреля 1870 г. не пришел запрещающий ответ на их докладную записку, отправленную 14 января,

⁶ Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК). Ф. 301. Оп. 1. Д. 17. Л. 13.

⁷ Председателем Совета Главного управления Восточной Сибири являлся генерал-губернатор М.С. Корсаков.

⁸ ГАЗК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ *Носков В.В.* Китайские церемонии в Зимнем Дворце (Прием миссии Берлингейма в 1870 г.) // Петербургский исторический журнал. СПб., 2015. № 3. С. 30–39.

от председателя Совета Главного управления Восточной Сибири М.С. Корсакова¹¹. Такой ответ от главы руководства Восточной Сибири мог бы похоронить начинание братьев Бутиных, если бы не уже упоминавшееся более высокое покровительство официального Петербурга и крупного купечества в лице И.А. Носкова. Обладая столь надежным тылом, Бутины решили снова обратиться к М.С. Корсакову, но уже как к генерал-губернатору Восточной Сибири, а не как к председателю Совета Главного управления Восточной Сибири. Почва для нового обращения была благоприятной. Так, в письме братьям Бутиным И.А. Носков сообщал о результатах своего «продолжительного и дружеского разговора» с директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел П.Н. Стремоуховым, указывая на то, «<...> что отъезд они могут совершить под покровительством генерал-губернатора, который конечно окажет всевозможное содействие»¹². В этом случае М.С. Корсакову ничего не оставалось, как одобрить и оказать покровительство экспедиции. В результате генерал-губернатор выразил сочувствие делу и даже, несмотря на то, что «<...> предприятие <...> есть дело совершенно частное», предложил Наказному атаману Забайкальской казачьего войска, военному губернатору Забайкальской области Н.П. Дитмару оказать экспедиции содействие¹³.

С получением разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири пал последний бюрократический бастион на пути к исследованию нового торгового пути в Китай. Далее оставались приятные, хотя и немалые, хлопоты, связанные с закупкой всего необходимого для путешествия, транспортом, экипировкой, запасами и рекомендательными письмами. На братьях-купцах лежала огромная ответственность, учитывая то высокое доверие, которое было им оказано со стороны официального Петербурга. Так, И.А. Носков в письме Бутиным от 10 мая 1870 г. указывал, что о предстоящей поездке уже сообщено князю П.П. Гагарину, а об успешном завершении экспедиции будет доложено и Государю Императору¹⁴.

Таким образом, необходимо отметить, что, несмотря на некоторую долю авантюризма, организаторы экспедиции по исследованию нового торгового пути в Китай нерчинские купцы 1-й гильдии братья Н.Д. и М.Д. Бутины провели огромную подготовку для ее осуществления, заручившись поддержкой не только местных властей Восточной Сибири, что оказалось самым сложным, но и крупного купечества Сибири и Санкт-

¹¹ ГАЗК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 17. Л. 10–10 об.

¹² Там же. Л. 19 об.

¹³ Там же. Л. 15–15 об.

¹⁴ Там же. Л. 19 об.

Петербурга, а также правительств России и Китая, что во многом явилось залогом ее успеха.

Ю. В. Кузьмин

Монголо-русский словарь иркутского переводчика А.В. Игумнова*

В последние тридцать лет российское монголоведение значительное внимание уделяет истории развития российского монголоведения, в том числе его начальному этапу научного становления. Современная наука возвращается к тематике русского востоковедения и монголоведения, восстановлены творческие биографии забытых и репрессированных российских монголоведов первой трети XX века. Однако по-прежнему остаются еще «белые пятна» в ее истории, особенно начального периода развития.

Вопрос о создании первых грамматик монгольского языка, первых монголо-русских и русско-монгольских словарей остается еще открытым, при известности данных исторических событий, и конкретных фактов науки. Творческая биография иркутского переводчика Александра Васильевича Игумнова (1761-1834 гг.) в целом изучается в российском монголоведении [1;2;3;4], но, тем не менее, целый ряд периодов его научно-исследовательской деятельности в сфере монголоведения, особенно судьба монголо-русского словаря в 4-х томах и грамматик монгольского языка нуждаются в уточнении и дальнейшем изучении. Судьба его некоторых и других рукописных работ до сих пор не ясна. Специального изучения заслуживает и вопрос о статусе первого российского монголоведа. Кто занимает эту позицию: немецкий ученый Я.И. Шмидт или русский переводчик А.В. Игумнов? Чьи словарь и грамматики были первыми в русском монголоведении? В большинстве публикаций в российском монголоведении называется имя Я.И. Шмидта и только в редких случаях А.В. Игумнова.

А.В. Игумнов родился в Забайкалье, в Кударинской крепости на границе с Цинской империей. В прошлом году исполнилось 250 лет со дня рождения сибирского переводчика, есть повод вспомнить добрым словом этого служителя науки. Его дед и отец служили переводчиками монгольского и маньчжурского, китайского языков, поэтому он с детства овладел данными языками, живя среди монголов и бурят. Отец Василий Константинович в 1749-1774 гг. служил пограничным комиссаром, трижды сопровождал

* Грант РФФИ 20-59-44008 Монг_а Мировое на российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии.

православные миссии в Пекин. Дед и отец Игумновы составляли словари восточных языков и накопили значительный словарный материал по монгольскому языку. В 1771 - 1777 гг. А.В. Игумнов обучался в специальной школе монгольского языка и служил толмачем в Кяхтинской пограничной канцелярии [2]. В 1781-1782 гг. он в качестве переводчика сопровождает в Пекин Русскую духовную миссию, изучает восточные языки и собирает этнографический материал и наблюдает жизнь народов Монголии и Китая. С 1787 года А.В. Игумнов стал составлять Словарь монгольского языка, значительно раньше немецких ученых. Затем А.В. Игумнов служит переводчиком и чиновником в различных городах Сибири: Верхнеудинске, Кяхте, Нерчинске, Иркутске, Чите.

Постоянно занимался переводческой и преподавательской деятельностью. Переводил на русский язык фольклор монгольских народов, опубликовал монгольские поговорки и пословицы, переводил законы степных народов. Издал первое в России историко-этнографическое описание страны – «Обозрение Монголии», ставшее настольным пособием для дипломатических работников Российской империи. А.В. Игумнов сформировал 4-х томный словарь монгольского языка по корням слов, затем стал создавать его по алфавиту [3]. В Кяхтинском музее сохранилось 3 тома Словаря монгольского языка, 4 том сгорел во время пожара, а третий том частично (обложка) поврежден пожаром [4]. Данный словарь был передан А.В. Игумновым в училище китайского языка в Кяхте в 1832 году, а бумага, на которой он изготовлен 1819 года. Это свидетельствует о приоритете русского переводчика в подготовке первого словаря монгольского языка, более ранней подготовке словаря.

В современной российской историографии пальма первенства отдается в основном первому академику России в области монгольского языка и тибетского языка Я.И. Шмидту. Совсем немногие исследователи (Н.П. Шастина, Ш.Б. Чимитдоржиев, Ю.В. Кузьмин) придерживаются другого мнения на этот счет и называют первым российским монголистом иркутского переводчика А.В. Игумнова. Попробуем обосновать свою позицию по этому вопросу.

В российской историографии сложилось устойчивое положение, что первым российским монголоведом является Я.И. Шмидт (1779-1847 гг.) [6].

Считается, что первый российский монголист является составителем первой грамматики и первого словаря монгольского языка. В коллективной монографии по истории российского востоковедения в частности отмечается, что «важным событием в

истории монголоведения стали публикации первой в России грамматики монгольского языка (в 1831 г. на немецком языке, а в 1832 г. – на русском) и монгольско-немецко-русского словаря (1835 г.) Шмидта» [6, с.275]. Монголо-русский словарь в 4 томах А.В. Игумнова был уже готов в 1832 году или ранее.

Перевод Я.И. Шмидтом сложных христианских текстов на монгольский язык натолкнулся на значительные языковые препятствия. Для помощи он привлек переводчиков-бурят из Забайкалья. Как сегодня известно, Я.И. Шмидт привлек в Петербург для этой работы бурятских переводчиков – учеников А.В. Игумнова. Эти переводчики имели рукописные словари, подготовленные на основе Монголо-русского словаря А.В. Игумнова. Необходимо отметить, что Я.И. Шмидт был хорошо информирован о состоянии изучения монгольского языка в Сибири не только через администрацию Восточной Сибири, но также родственников жены и участников Британской духовной миссии, работавшей в Забайкалье, которая высылала ему собственные качественные наработки монголо-английских словарей и грамматик.

Можно предположить, что ученики А.В. Игумнова, привлеченные Я.И. Шмидтом в Петербург для перевода священных книг, использовали части рукописного монголо-русского словаря своего учителя. Факт обращения Я.И. Шмидта к иркутским переводчикам для сбора русско-монгольских словарей, а затем привлечения их к работе свидетельствует о выявлении немецким академиком всех рукописных материалов по монгольскому языку в Сибири, привлечение носителей и практических знатоков монгольского языка для составления научного словаря и грамматики монгольского языка. Иркутский переводчик Василий Новоселов еще в 1817 г. составил Я.И. Шмидту записку «о манжуро-монгольских лексиконах» и возможности их приобретения [7, с.8-9]. Как известно, сам Я.И. Шмидт никогда не был в Забайкалье и Монголии, мог только получать письменный материал о монгольском языке.

В обстоятельной книге сибирского священника и востоковеда В.Н. Флоренсова «Из истории переводческого дела в Иркутской епархии» (1908 г.) дана оценка уровня познаний монгольского языка и качестве переводов священных текстов А.В. Игумновым и Я.И. Шмидтом. В.Н. Флоренсов – знаток монгольского и бурятского языка, известный сибирский монголист, переписывался с известными монголоведами Б.Я. Владимирцовым, В.Л. Котвичем, Ц. Жамцарано. Известна низкая оценка А.В. Игумнова качества переводов Я.И. Шмидта на монгольский язык: «Рассматривающими в Иркутске перевод этот признан до того неудовлетворительным, что опытнейший из цензоров переводчик

статский советник Александр Игумнов выразился о переводе таким образом: «В самоважнейших местах и словах против подлинного Нового Завета сделаны в переводах сих перемены, излишности, упущения и даже самые вопиющие нелепости, каковых не токмо слух благочестивого Христианина, но даже слух грамотного идолопоклонника без возчувствования особенного негодования переносить не могут» [8, с.19]. Также довольно болезненно реагировал А.В. Игумнов, когда академик Я.И. Шмидт пригласил двух бурятских переводчиков, его учеников, в Петербург для перевода священных текстов, а также подготовил подробный критический анализ перевода Я.И. Шмидта. В архиве ГАИО сохранилась рукопись А.В. Игумнова с подробным анализом данного перевода, которую стоит опубликовать.

В работах Шмидта, по мнению Н.П. Шастиной, «много недостатков, искажений и ошибок». Его работам «свойственна ограниченность, как в попытках постановки вопросов, так и в способах их разрешения. Он некритически подходил к тексту, поэтому пользовался опубликованными им материалами необходимо с осторожностью».

Критические замечания в адрес академика Шмидта ранее были высказаны еще Д. Банзаровым. Он упрекал Шмидта за излишне «вольный перевод» Чингисова камня, говорил об изменении словарного запаса, строя языка, его исторической эволюции - историческом подходе к языку. В 50-60-е годы XX века в ряде публикаций Г.И. Михайлова, Н.П. Шастиной вновь проявилось негативное отношение к личности И.Я. Шмидта и его трудам, и противопоставляли его «прогрессивным ученым»: П.С. Савельеву, В.В. Григорьеву, О.М. Ковалевскому. Филолог Г.И. Михайлов критиковал подход Шмидта к изучению монгольского языка. по его мнению, Шмидт искал в монгольском языке те же явления, какие имелись в индоевропейских языках и «подгонял под нормы европейских языков и те факты, которые явно в эти рамки не уместались».

Профессор В.Л. Успенский об источниках «Монгольско-русско-французского словаря» О.М. Ковалевского называет несколько рукописных и опубликованных словарей, в том числе рукописный неоконченный словарь А.В. Игумнова. «О.М. Ковалевский имел возможность ознакомиться с неопубликованными словарями во время пребывания в Восточной Сибири в 1828-1833 гг. По-видимому, все эти словари были утрачены, поскольку отсутствуют во всех имеющихся архивах» [8, с.1335]. Публикации А.Н. Хохлова и Ю.В. Кузьмина отмечают сохранность этого Словаря. Знаменитый словарь О.М. Ковалевского также базировался на основе Словаря и грамматик А.В. Игумнова, что подтверждал и его составитель в Предисловии.

На основе проведенного нами анализа выясняется, что в основе двух известных в мировом монголоведении словарей И.Я. Шмидта и О.М. Ковалевского лежит неопубликованный 4-х томный словарь русского переводчика А.В. Игумнова и его грамматики. И хотя профессор О.М. Ковалевский в предисловии к своему Словарю и письмах подтверждает это обстоятельство, однако степень заимствования словарных материалов А.В. Игумнова до сих пор не изучена лингвистами.

Таким образом, имеются довольно веские исторические основания для уточнения начального этапа становления российского монголоведения и определения достойного места иркутского переводчика А.В. Игумнова в истории русской науки о Востоке.

Источники и литература

1. Пучковский Л.С. Александр Васильевич Игумнов // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник Ш. М., 1960.- С.166-195
2. Чимитдоржиев Ш.Б. Монголовед А.В.Игумнов//Исследования по культуре народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1980. – С.155-160
3. Кузьмин Ю.В. Эрхуугийн монголч А.В. Игумнов//Дорнодахины судлал.- Улан-Батор, 1991.- №2.- С.67-68.
4. Кузьмин Ю.В. А.В.Игумнов – первый иркутский монголовед // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. Мат. межд. науч. конф. 31 мая -1 июня 2013 г. - Барнаул, 2013. – С.156-163.
5. Хохлов А.Н. А.В.Игумнов – составитель первого в России большого монгольско-русского словаря//VI Международный конгресс монголоведов. Докл. рос. дел.- Ч.1.- М.:1992.- С.222-225.
6. История отечественного востоковедения до середины XIX века. – М.: Наука, 1990. – 435 с.
7. Яхонтов К.С. Китайские и маньчжурские книги в Иркутске.- СПб., 1994.-144 с.
8. Флоренсов Н.В. Из истории переводческого дела в Иркутской епархии.- Иркутск: Тип. А.Сизых, 1908. – 51 с.
9. Успенский В.Л. Источники «Монгольско-русско-французского словаря» О.М.Ковалевского//Ученые записки Казанского университета.- 2018, Т.160, кн.6.- С.1334-1340.

Религиозный долг, пограничная торговля и внешняя политика в джунгаро-тибетских отношениях (1740-е гг.)

(Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-03-2022-119/1 «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»)

Ойраты и ханства, которые они создали на обширной территории Евразии, имели тесные отношения с Тибетом с начала XVII века, когда официально приняли тибетский буддизм в качестве своей государственной религии. Вместе с тем, интенсивность таких контактов стимулировала империю Цин, проявлять недюжинный интерес к Тибету, Кукунору и Джунгарии. Причины этого кроются в опасении маньчжуров в возникновении ойрато-тибетской политической конструкции, способной бросить вызов империи Цин. В глазах цинского двора, этому тезису предшествовали исторические прецеденты, когда ойратские войска дважды (под предводительством хошутов Гуши-хана в конце 1630-х г.) (и джунгаров в 1717 г.) проникали глубоко в Тибет и занимали его политический и духовный центр. Политические отношения между этими акторами затрагивали и религиозные аспекты. Важность роли тибетского буддизма у ойратов была высока и после установления проманьчжурской власти в Лхасе в XVIII в., и не могла быть проигнорирована правителями Джунгарского ханства.

В докладе представлены два момента: первый – посвящен феномену «манча», когда ойратские паломники в Тибет совершали ритуальную церемонию совместного чаепития с тибетскими ламами внутри крупных буддийских монастырей и последующим обменом подарками. Данной церемонии предшествовала активная торговля и обмен джунгарской продукции на серебро, которое впоследствии становилось предметом подношений крупным храмам. После инкорпорации Тибета и Кукунора в состав империи Цин, ойраты Джунгарии были вынуждены согласовывать необходимость такого рода посещения Тибета с цинскими властями. Со своей стороны, Цины не отказывали джунгарам в реализации данной церемонии и посещении Тибета, однако, опасались, что джунгары могли бы входить в тесный контакт с ойратами Кукунора и антицински настроенными тибетцами, что было бы чревато нежелательными для империи Цин последствиями. Второй – посвящен источникам сведений о мероприятиях *манча*. Основные сведения о тибетском буддизме у ойратов исследователи черпают из немногочисленных ойратских источников, среди которых наиболее известным является

«Биография Зая-пандиты». Что касается, других ойратских источников, то, они подвергались уничтожению в рамках т.н. «литературной инквизиции» после инкорпорации самих ойратов в состав империи Цин, где вся информация о джунгарах подвергалась ликвидации. В этой связи, мы вынуждены обращаться к неоойратским материалам по данной тематике. Огромное количество материалов мы находим на китайском и маньчжурском языках. Маньчжурские архивные материалы дисперсно хранятся в архивах провинций Северо-Востока Китая и в нескольких автономных районах КНР, однако наиболее сконцентрированная и упорядоченная часть документов на маньчжурском языке находится в Первом историческом архиве в Пекине, насчитывая 2 млн. единиц, и в архиве Музея императорского дворца в Тайбэе в количестве 387 тыс. единиц. Такое обилие было связано с тем, что в течение XVII–XVIII вв. маньчжурский язык оставался незаменимым инструментом в деятельности высших эшелонов цинской власти в Пекине. При этом, его применение не было ограничено лишь ближним кругом цинского императора, но и распространялось по всей периферии империи Цин, являясь секретным военным и политическим средством общения у разных прослоек цинской власти, которая несла службу на пограничных территориях. В этой связи, особую ценность по теме доклада представляет недавно вышедший в КНР, сборник документов (на китайском и маньчжурском языках) «Циндай Цзюньцзичу Маньвэнь аочадан» 清代军机处满文熬茶档 (Маньчжурский архив Военного совета (Цзюньцзичу) [в связи с мероприятиями] «манча»), который именуется по-маньчжурски *Manja Fuijure Baita-i Dangse*, охватывающий период с 1740 по 1748 гг. В нем отражены отчеты крупных цинских сановников на границе и членов Военного совета (Цзюньцзичу) о джунгарских паломнических и торговых миссиях, представлены копии писем джунгарского правителя Галдан-Цэрена и его преемника к Далай-ламе и другим ламам, их ответы, а также списки обменного серебра и торговой продукции.

Литература

1. У Юаньфэн. Циндай Цзюньцзичу Маньвэнь юэчжэбао цзи ци шиляо цзячжи. (Ежемесячные маньчжуроязычные связки «чжэ» из Военного совета (Цзюньцзичу) при Цин и их историческая ценность) // Маньчжурский язык (Исследования по маньчжурскому языку). 2007. №2. Рр. 56-67.
2. Циндай Цзюньцзичу Маньвэнь Аочадан (Маньчжурский архив цинского Военного совета (Цзюньцзичу) [в связи с мероприятиями] «манча»). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2010.

3. *Elliot Mark*. The Manchu Language Archives of the Qing Dynasty and the Origins of the Palace Memorial System. *Late Imperial China*, 2001 № 1, Pp. 1–70.

4. *Perdue Peter*. Tea, Cloth, and Religion: Manchu Sources on Trade Missions from Mongolia to Tibet // *Late Imperial China*, Vol. 36, no.2. pp. 1 – 22.

5. *Petech Luciano*, China and Tibet in the Early Eighteenth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden: E.J. Brill, 1972. P. 150.

И. В. Кульганек

Петербург/Ленинград в жизни В. Л. Котвича (1872–1944) и Т. А. Бурдуковой (1912–1987)

Польско-русский востоковед, языковед, фольклорист, член-корреспондент Российской академии наук (1923), действительный член Польской академии знаний, председатель Польского востоковедческого общества (1922–1936) Владислав Людвигович Котвич провел в Петербурге 23 года (1891–1924). Здесь он окончил Петербургский университет, защитил докторскую диссертацию (1900), заведовал кафедрой монгольской филологии, получил должность доцента (1917), звание профессора (1923), был направлен в экспедицию в Монголию (1912), возглавлял Центральный институт живых восточных языков (ЦИЖВЯ) (1920–1922). С 1923 г. проживая в Польше, сохранял крепкие связи с российскими учеными и был в курсе научной жизни России.

Русский монголовед, кандидат филологических наук, переводчик художественной литературы с монгольского языка, доцент кафедры монгольского языка Восточного факультета Ленинградского государственного университета Таисия Алексеевна Бурдукова приехала в Ленинград в 1927 году и прожила здесь до конца жизни за исключением пяти лет эвакуации (Свердловская область, Алма-Ата, Ташкент), во время которой она защитила свою кандидатскую диссертацию. Основными местами ее работы были Институт востоковедения АН СССР и Ленинградский государственный университет (1948-1989 – Ленинградский ордена Ленина государственный университет имени А. А. Жданова), где она работала до выхода на пенсию (1976). Являясь продолжателем дела своего отца – известного монголоведа Алексея Васильевича Бурдукова, она читала курсы лекций по монгольской литературе, вела практические занятия по современному монгольскому языку, оставила после себя значительное количество переводов современной монгольской художественной литературы.

В докладе рассказывается об интересных моментах пересечения научных интересов двух ученых, о чем говорят изданные труды и архивные документы, сохранившиеся в Петербурге – в Архиве востоковедов ИВР РАН и СПФ АРАН.

Б. В. Меняев

**Сарт-калмыцкие фольклорные материалы
из личного фонда А.В. и Т.А. Бурдуковых**

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00537 А «Лингвофольклорное и историко-культурное наследие сарт-калмыков Кыргызстана глазами российских ученых: история и современность (по архивным и полевым материалам)

Большой вклад в изучение языка и фольклора сарт-калмыков внес известный российский монголовед Алексей Васильевич Бурдуков (1883-1943)¹⁵, который в 1929 году по поручению Монгольской комиссии Академии наук СССР совершил этнолингвистическую поездку к сарт-калмыкам (каракольским калмыкам), живущим вблизи г. Каракол (Пржевальск). Результаты поездки представлены в личном деле собирателя, хранящемся в Научном архиве Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Ф. К-1. Оп. 1. Д. 402. Л. 17-20.), и «Кратком отчёте о поездке к сарт-калмыкам 1929», опубликованном в журнале «Советская этнография» (1935, № 6). За двухмесячное пребывание среди сарт-калмыков им было записано *«5 новых былин, часть уже известной былины Джангар, сказание о Зюнгар-хане, автобиографическое повествование былинщика Бакхи Сарпекова, около десятка разных рассказов и сказок, до 120 пословиц и поговорок, до 50 загадок, до 60 песен и благопожеланий... сделано около 100 фотоснимков, характеризующих с разных*

¹⁵ Даревская Е.М. Алексей Васильевич Бурдуков (О роли русских поселенцев в изучении Монголии) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. VI. М.: Вост. лит., 1963. С. 187–217; Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука, 1969. 419 с.; Бурдуков А.В. Забытые страницы / Публикация и вступление Т.А. Бурдуковой // Страны и народы Востока. Вып. XI. Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. География, этнография, история. М.: Наука; ГРВЛ, 1971. С. 316–325; Кульганек И.В. А.В. Бурдуков, монголовед трудной и интересной судьбы // Mongolica-XI. Сб. науч. статей по монголоведению. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. С. 6–10; Сабрукова С.С. Научная деятельность Т.А. Бурдуковой (1912–1987) (по материалам АВ ИВР РАН) // Mongolica-XX. Сб. науч. статей по монголоведению. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2018. С. 62–66.

сторон каракольских калмыков, составлен маленький калмыцко-киргизско-русский словарь...¹⁶.

Рис. 2-3 Сарт-калмыки. 1931. Собиратель А.В. Бурдуков¹⁷.

Фотоснимки, сделанные А.В. Бурдуковым, ныне хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, шесть из них (юрты сарт-калмыков на летовке; юрта сарт-калмыков (женщины у ткацкого станка); меринос Рамбулы и его потомство; сарт-калмычка, собирающая опий на маковом поле; семья сарт-калмыка-коммуниста; демонстрация сарт-калмыков в революционный праздник) опубликованы на сайте Кунсткамеры в разделе «Экспонаты»¹⁸.

В Архиве востоковедов ИВР РАН среди материалов Т.А. Бурдуковой¹⁹ имеются фрагменты предисловий к переводу сарт-калмыцкой версии «Джангара», несколько рукописных списков сарт-калмыцкого «Джангара» на латинице (2 списка), кириллице (1 список), а также черновой и белой вариант перевода на русский язык, выполненный Т.А. Бурдуковой. В этом же фонде имеется машинописная рукопись статьи А.В. Бурдукова «Калмыки и сарт-калмыки» (4 лл.), которая была подготовлена для справочника «Народы СССР».

¹⁶ Бурдуков А.В. Каракольские калмыки (сарт-калмаки) // Советская этнография. 1935. № 6. С. 47.

¹⁷ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Официальный сайт. URL: <http://collection.kunstkamera.ru> (accessed 10.10.2022).

¹⁸ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Официальный сайт. URL: <http://collection.kunstkamera.ru> (accessed 10.10.2022).

¹⁹ Сабрукова С.С. Российские монголоеды А.В. и Т.А. Бурдуковы (обзор фонда из Архива востоковедов ИВР РАН) // Письменные памятники Востока, 2020, том 17, № 1 (вып. 40). С. 119–134.

В статье Б.М. Нармаева «Т.А. Бурдукова: биографические материалы»²⁰ приводится список подготовленных к печати (рукописей). Он состоит из 13 рукописей, в том числе 3 сарт-калмыцкие рукописи А.В. Бурдукова: «Сарт-калмыцкие сказки» (6 печ.л.), «Фрагменты байтского и сарт-калмыцкого Джангара» (1 печ. л.) и «Биография Бакхи Сарпекова» (Сарт-калмыки и таранчинское восстание) (3 печ. л.). Судьба рукописи «Сарт-калмыцкие сказки» (6 печ.л.) не известна до сих пор, поиски продолжаются.

В личном фонде А.В. и Т.А. Бурдуковых архива Калмыцкого научного центра РАН имеется 171 ед.хр., в том числе пять дел о сарт-калмыках: Комментарии А.В. Бурдукова...; Письма А.В. Бурдукова Б.Я. Владимирцову о научной командировке к каракольцам и сарт-калмыкам от 08.1929 г.; Бурдуков А.В. Каракольские калмыки (имеются фотоиллюстрации и карта «Кашгар»); письма бывших слушателей курсов нацмен Советского Востока (сарт-калмыки) 1929-1940 гг.; фото группы сарт-калмыков — слушателей курсов Национальных меньшинств Советского Востока. 1934 г.

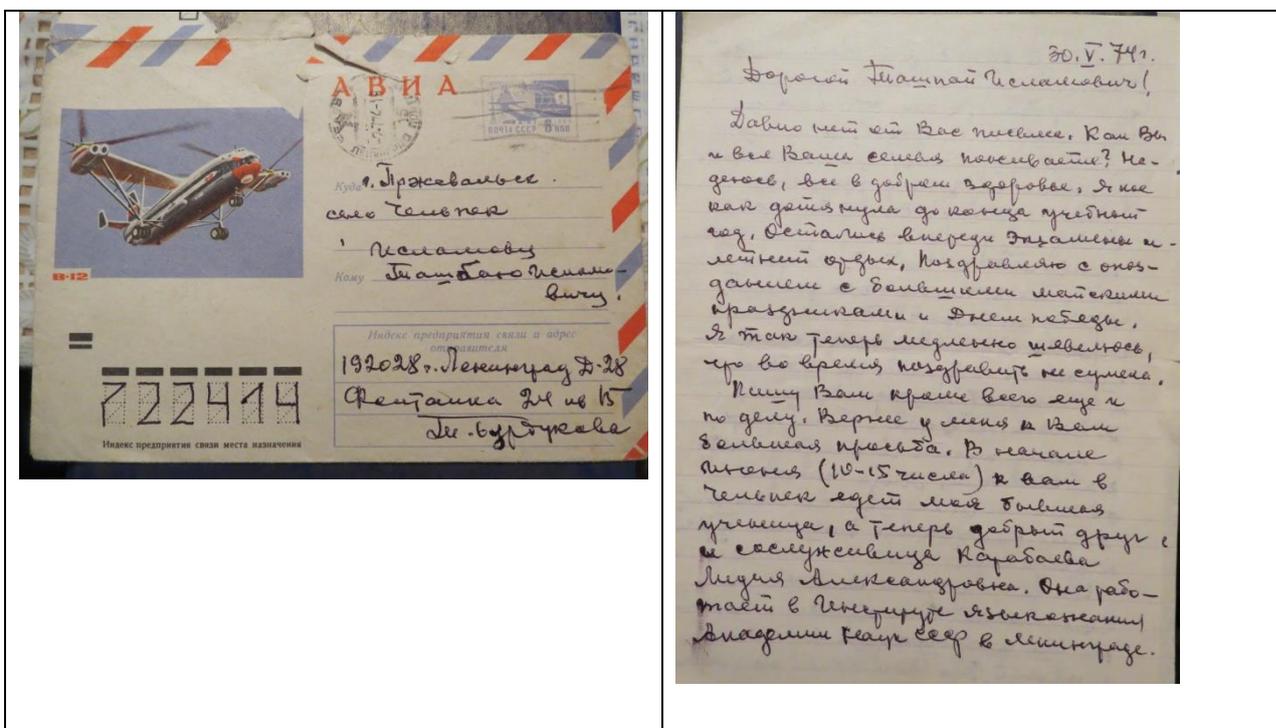

Рис. 4-5 Письмо Т.А. Бурдуковой от 30.05.1974. Переснято Б.В. Меняевым.
С. Челпек. Июль 2021 г.

В командировке 2009 года автором статьи в доме Мелиса Исламова (с. Челпек) было обнаружено 2 письма Т.А. Бурдуковой (от 02.06.1974 и 30.05.1974), адресованные Ташпаю Исламову, с просьбой поспособствовать в сборе полевого лингвистического материала научному сотруднику Института языкознания АН СССР Л.А. Карабаевой, ученице Т.А. Бурдуковой.

²⁰ Нармаев Б.М. Т.А. Бурдукова: биографические материалы // Mongolica-XI. Сб. науч. статей по монголоведению. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. С. 11–14.

Таким образом, разрозненный личный фонд А.В. и Т.А. Бурдуковых, хранящийся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Архиве востоковедов ИВР РАН, Научном архиве КалмНЦ РАН и частных коллекциях представляет собой ценный источник по изучению истории, культуры, языка и фольклора монгольских народов, в том числе сарт-калмыков Киргизии.

С.Ю. Неклюдов

Воцарение лесного найденыша: легенда о Чоросе и ее международные контексты

Легенда о Чоросе, найденыше сверхъестественного происхождения, которого выбирает князем племя, уцелевшее после кровопролитной войны, известна в ойратских и калмыцких традициях по записям XVIII–XX вв., которые были сделаны местными историками (Габан Шараб; Батур Убаши Тюмен), путешественниками, этнографами и фольклористами (П. Паллас, Г.Н. Потанин, А.М. Позднеев, Б.Я. Владимирцов, А.В. Бурдуков, Н. Очиров, Н. Пальмов и др.); всего не менее полутора десятка текстов. Легенда включает несколько сюжетных композитов и довольно широко варьируется – особенно в своей экспозиционной части, однако ее основное содержание остается относительно неизменным.

Происхождение легенды установлено не вполне. При несомненном участии в ее генезисе автохтонных фольклорно-мифологических мотивов (как, впрочем, и более поздних образов «народного буддизма») они не могут объяснить наличия ряда весьма устойчивых элементов, относящихся именно к базовой структуре повествования. К разрешению этой загадки нас, возможно, приблизит обнаружение чрезвычайно точных (и несколько неожиданных) инокультурных сюжетных параллелей, далее рассматриваемых в докладе.

Речь идет о средневековой легенде, которая была изложена немецким историком Готфридом Витербоским (Godefridus Viterbiensis. *Pantheon sive memoria saeculorum*, 1190) и итальянским богословом Джованни Менокки (Brevis explicatio sensus literalis totius S. Scripturae., 1630); имеется ее русский извод, входящий в цикл «сказаний о Вавилонском царстве». В ней рассказывается (у Готфрида дважды, в стихах и в прозе) о происхождении вавилонского царя Навуходоносора – найденыша, вскармливаемого козой, опекаемого совой и обнаруженного прокаженным из числа лесных изгнанников во время царствования Аксеркса. Высказывается мнение, что он был унесен в лес, поскольку родился от внебрачной связи (что не исключает высокого происхождения младенца), а имя «Навуходоносор» получает народно-этимологическую расшифровку, исходя из

обстоятельств его происхождения (в русск. версии: «егоже Навуходносором от случая прозва. Наву (Наоу) бо сова глаголется в том языке, ходо – коза, носор – прокаженный»); после смерти Аксеркса он, согласно решению вавилонян, занимает пустующий трон. По отношению к канонической библейской истории данный сюжет, разумеется, имеет сугубо апокрифический характер.

Сопоставительному сюжетному анализу этих легенд, а также обсуждению возможных причин их родства посвящен предлагаемый доклад.

Д.А. Носов

Ученик В.Л. Котвича – В.А. Казакевич

Владислав Людвигович Котвич известен монголоведам прежде всего благодаря своим научным трудам. Но не менее важной была и его деятельность как преподавателя. Дореволюционный период педагогической работы В.Л. Котвича, связанный с Петербургским университетом, хорошо описан в литературе. Работа по созданию первой в Советской России высшей школы практического востоковедения – Центрального/Петроградского института живых восточных языков, которую ученый проводил с 1920 г. до своей репатриации в Польшу в 1923 г. может на первый взгляд показаться менее значительной. В тяжелейших условиях В.Л. Котвичу удалось не только организовать учебный процесс, но и привлечь в Институт талантливых молодых людей. Одним из них был Владимир Александрович Казакевич. В докладе будет рассказано о том, как В.Л. Котвич влиял на одного из самых крупных монголоведов СССР, трагически погибшего в 1937 г.

Э.У. Омакаева

Корпус калмыцких загадок из сборника Вл. Л. Котвича: базовые коды лингвокультуры

(Исследование выполнено в рамках внутривузовского научного проекта (КалмГУ))

Важнейшим типом фольклорных мини-текстов являются загадки как древний и самобытный жанр устного народного творчества монголоязычных народов. Природа загадки по сей день продолжает оставаться тайной. Поэтому так трудно дать ей определение.

Прежде всего необходимо отметить значительный вклад в дело фиксации и изучения загадок составителей соответствующих сборников. Особый интерес в лингвокультурном отношении представляет для нас коллекция текстов загадок Вл. Л. Котвича, собравшего уникальные паремии калмыков в конце 19 в. В 1896 году он побывал в калмыцких степях и записал паремии (загадки, пословицы и поговорки), которые были впоследствии включены в сборник, изданный в 1905 г. в СПб и переизданный в 1972 г. в Элисте [Котвич В.Л. Калмыцкие загадки и пословицы. СПб., 1905; 2-е изд. Элиста, 1972].

Эмпирической базой для нашего исследования послужили 275 загадок из первых двух разделов упомянутого сборника Котвича. Безусловная ценность этих материалов заключается в том, что отдельные загадки уникальны и практически неизвестны современным калмыкам; другие же, хотя и известны (чаще в редуцированном варианте), являют собой аутентичный мини-текст в записи на «ясном письме» (правда, не во всех случаях), часто в сопровождении транскрипции на кириллице, но с обязательным параллельным русским переводом автора сборника, что особенно ценно.

Вполне естественно, что загадки не раз становились объектом исследования монголистов с фольклористической точки зрения (И.В. Кульганек, Т.Г. Басангова, И.С. Устиева, Ц.Б. Селеева и др.). Между тем изучение языковой (лексической) экспликации «загадочного» образа не менее важно, поскольку взаимосвязь языка и культуры наиболее ярко проявляется в паремиологическом пространстве.

Наша статья посвящена вопросам актуализации базовых кодов лингвокультуры в калмыцких загадках с выявлением их системных связей и аксиологического потенциала на фоне русского перевода. Важным понятием, релевантным для нашего исследования, является понятие лингвокультурного кода (ЛК), которое используется в процессе этнолингвистического анализа текста загадки. Социализующие и дидактические функции загадки связаны с проблемой усвоения ЛК. Мы используем понятие «лингвокультурный код» как инструмент исследования языковой картины мира.

Цель исследования заключается в выявлении национально-культурной и этнолингвистической специфики отражения ЛК в паремийном тексте на примере калмыцких загадок. Задачи исследования: сформировать корпус калмыцких загадок, содержащих лексику, репрезентирующую определенный ЛК (в данном случае зоокод); выявить систему наиболее важных для «загадочной» традиции калмыков символических

анималистических образов; описать лексико-семантические особенности ключевых лексем; выявить случаи сцепления ЛК в тексте загадки.

В качестве рабочего определения нами принято рассмотрение загадки как фольклорного мини-текста, имеющего вопросно-ответную структуру и состоящего из двух частей: энигмата-отгадки («искомого» слова, обозначающего денотат) и энигматора-вопроса (описания субститута загадываемого объекта).

Вопросная часть загадки требует декодирования, расшифровки, т. е. загадка должна быть отгадана. Это отражено в самом названии жанра. Котвич приводит два термина для загадки на «ясном письме»: *tailyatai tūli* и *tailbartai tūli* ‘повествование с отгадкой’. Современным калмыкам известно второе название данного фольклорного жанра — *тээлвртэ тууль*. В любом случае это синонимы. Существительные *тээллh* и *тээлвр* имеют следующие значения: 1) ‘объяснение, комментарий, интерпретация’; 2) ‘отгадка, разгадка; ответ на загадку’. Они образованы от одного глагола *тээл-* ‘объяснять, отгадывать, разгадывать’ с помощью разных суффиксов — *-лh-* и *-вр-*.

Ключевыми признаками текста загадки считаются иносказательность и метафоричность. В корпусе загадок основным способом кодировки объекта выступает метафора. В метафорическом образе обычные вещи предстают в совершенно новом свете. Метафорическое кодирование энигмата может быть основано на замене имени кодируемого явления/предмета на базе его сходства с другим явлением/предметом.

Загадка дает иносказательное описание умалчиваемого (искомого, загаданного, закодированного) предмета или явления внеязыковой действительности (энигмата) путем указания на какой-либо сразу бросающийся в глаза его признак, основываясь на сходстве между искомым предметом и его образной заменой в загадке. В силу этого мы исключаем из рассмотрения так называемые «загадки-триады» (которые также представлены в анализируемом сборнике) как не отвечающие признакам жанра.

Рассматривая загадку как мини-текст [7], следует обратить особое внимание на роль лексики в «загадочном» текстообразовании и дискурсе. Словарный состав загадок достаточно разнообразен и тесно связан с кочевым бытом и хозяйственной деятельностью калмыцкого народа. Калмыцкие загадки отмечены ореолом номадного образа жизни калмыков в прошлом. Они характеризуются тематическим многообразием.

Ядерный лексикон загадок отражает важнейшие доминанты «загадочной» модели мира: это наименования человека (антропоморфный код), натурфактов (природный код), артефактов (предметный, или вещный код: кибитка, домашняя утварь и т.д.), социофактов и ментефактов (духовный код), имеющие большую информативную ценность. Большой пласт в загадках составляют наименования артефактов (предметов домашнего обихода и др.), и это не удивительно. Мир загадки — это прежде всего вещный мир. Большинство вещей окружающего мира созданы человеком. Помимо обозначений собственно вещей, интерес представляют и номинации естественных неживых объектов, зафиксированные в тексте загадки.

Внутри биоморфного кода мы рассматриваем как относительно автономные зооморфный (животный) и фитоморфный (растительный) субкоды. Фитоморфный субкод культуры связан с представлениями человека о мире растений. Названия растений часто используются для создания образной характеристики как самого человека, так и связанных с ним предметов, понятий, явлений.

Широко представлен в анализируемых загадках зооморфный код лингвокультуры. Природные явления, небо в калмыцких загадках, как и в пословицах, часто принимают образы домашних животных.

Характерной особенностью загадок является точное определение какого-либо свойства, качества, детали описываемого.

Загадываемый объект часто маскируется под представителя фауны, будь то домашнее животное, зверь, птица, насекомое или рыба. Калмыки — кочевой народ, главным богатством которого являлись четыре вида скота (овцы, коровы, лошади и верблюды).

Одним из безусловных лидеров среди представителей животного мира является верблюд (темэн): Теңгст темэн киисч, темэн зовсн юмн уга, теңгс зовж ‘В море упал верблюд — верблюд не чувствует беспокойства, а море чувствует’ (нүднд нетрүсн орх — соринка попала в глаз). Эта загадка в сборнике Котвича дана под № 12. Другой вариант этой загадки, приводимый Котвичем под № 13, связан с образом другого животного — жеребёнка и другого водного объекта — океана: Далад дааһн киисч, дааһн зовж уга, дала зовж ‘В море упал 2-летний жеребёнок; жеребёнок не чувствует беспокойства, а море чувствует’ (нүднд нетрүсн орх — соринка попала в глаз). Но почему-то Котвич перевел слово дала как ‘море’, хотя здесь речь идет об океане.

В загадке под № 14 фигурирует уже другой образ — овцы, да и разгадка здесь совсем другая: Хадт хөн киисч, хөн зовсн уга, хад зовж — ‘на скалу упала овца, овца не чувствует беспокойства, а скала чувствует’ (шүднд махн орх — мясо попало между зубов).

В загадке под № 15 главный герой — лиса: Хадын завсрт үнгн хавчгдж; үнгн эс зовж, хад зовж ‘Между скалами придавило лисицу; лисица не чувствует беспокойства, а скала чувствует’ (шүднэ завсрт махн — мясо между зубами).

Как видим, один энigmatор может иметь несколько энigmatов и наоборот.

В загадке под № 175 задействован образ птицы, ассоциирующийся с дневным светилом: Иргэр итлг орж - Через нижнюю часть юрты проник балобан (нарн герт орх - солнце проникает в юрту).

В загадке под № 32 образы козла и быка ассоциируются с артефактами (аксессуарами одежды): Тег деер тек бух хойр ноолдж ‘В степи борются козёл и бык’ (товч бүтү хойр — пуговица и петля).

Анализируя вышеприведенные примеры, можно заметить, что зооморфный код часто вступает во взаимодействие с другими ЛК: например, с природно-ландшафтным (скала, вода, степь и др.). Немало примеров можно привести на сцепление зоокода с фитокодом (вегетативным), телесным (соматическим), пищевым (гастрономическим) и др.

Достаточно много загадок связано с образами коня, коровы, волка и других животных.

В загадках широко используются такие приемы, как сравнение, антитеза, эпитетация, аллитерация.

Таким образом, лингвокультурологическую доминанту котвичевских загадок представляют зоолексемы. Рассмотренные нами лексические номинации реалий животного мира в загадках формируют определенный фрагмент языковой картины мира, являются важным языковым средством создания художественно-образной модели загадки. Результаты исследования свидетельствуют, что ЛК в калмыцких загадках репрезентируют специфику наивного восприятия окружающего мира фауны (домашних животных, птиц, зверей и т.д.) представителями изучаемой лингвокультуры.

Об ойратской рукописи «Воскурение Алтаю»

Сочинение, посвященное воскурению Алтая – ‘altayin sang ogošibui’. зафиксировано в нескольких рукописных хранилищах: в рукописном собрании Центра по изучению ойратской истории и культуры «Год номын гэрэл» (Монголия, г. Улан-Батор), в Институте языка и литературы АН Монголии, Институте восточных рукописей РАН, в частных монгольских коллекциях. В государственных хранилищах Калмыкии тексты, посвященные Алтаю, отсутствуют.

Тема древней родины, земли предков в обрядовой семантике связана с системой этнических маркеров культуры. Для ойратов Монголии в качестве таких символов наряду с другими выступают родовые горы и сооружения овоо и другие компоненты культуры. До 1921 г. в Монголии названия многих населенных пунктов и аймаков носили имена почитаемых близлежащих гор: из 67 хошунов 56 именно так именовались. После 1921 г., при народном правительстве, при наименовании новых административных единиц были учтены значимые сакральные центры. Для калмыков, предки которых перекочевали из Джунгарии в начале XVII в. на территорию России, «алтай» – это «родина», «символ страны предков, эпического богатыря», «маркер древней родины, земля предков».

Докладчиком проведен анализ текста и представлены его результаты. Исследование текста свидетельствует о его буддийском происхождении. Вместе с тем в нем явно прослеживается фольклорная основа и связь с добуддийскими верованиями. Таким образом, в тексте «Воскурение Алтаю» отражены древние верования, традиционные представления монголов, обозначена территория их расселения.

М. П. Петрова

Знаки и символы визуальной поэзии Риммы Ханиновой

Возникновение жанра визуальной поэзии относится к глубокой древности. Считается, что визуальные или графические стихи первым начал писать греческий поэт, грамматист александрийской школы Симмий Родосский (IV в. до н.э.).

Графическая поэзия была довольно популярным жанром и в литературе Востока. Примеры можно найти в классических персидских миниатюрах, китайском каллиграфическом письме, современной монгольской поэзии. Как считает большинство

исследователей, визуальная поэзия – это жанр, сочетающий в себе художественно-изобразительные и литературные средства. «В визуальном тексте смысловая и художественная нагрузки распределяются между поэтическим сообщением и графической или изобразительной формой его выражения, причём создаваемое комплексное значение не может быть выражено ни одним из художественных средств, взятых в отдельности».

Относительно недавно к жанру визуальной поэзии обратилась современная калмыцкая поэтесса, пишущая на русском языке, Римма Ханинова (род.1955). Внешней формой её экспериментальных стихов становятся чаще всего силуэт того предмета, наименование которого является основным мотивом, выражением темы, ключевым словом, наиболее важным концептом всего произведения. Зрительные образы поэтических текстов Ханиновой неразрывно связаны с традициями кочевой культуры номадов. Знаки, относящиеся к плану содержания, коррелируя с внешней графической формой и поддерживаемые ею, формируют смыслы авторской концептосферы.

Восемь визуальных стихов Риммы Ханиновой можно расположить в соответствии с традицией восприятия кочевником пространственно-временного континуума. Чёткое разделение на мир внутренний (свой) и внешний (чужой) позволяет выявить следующие семантически значимые объекты : кибитка (юрта), таган, хадак – предметы домашнего мира; коновязь, находящаяся на границе своего и чужого миров и гора с ова чолуном, одинокий тополь и субурган – объекты мира чужого. Эти смыслообразующие доминанты кочевого менталитета определили графическую форму каждого из визуальных стихотворений.

О. Н. Полянская

В.Л. Котвич (1872-1944): научная и педагогическая деятельность монголоведа

Становление Владислава Людвиговича Котвича проходило в стенах Санкт-Петербургского университета, где он получил востоковедческое образование у ведущих российских востоковедов: К.Ф. Голстунского и А.М. Позднеева, С.М. Георгиевского и Д.А. Пещурова, В.П. Васильева, И.Н. Березина и В.Д. Смирнова. После окончания университета был оставлен для приготовления к профессорскому званию. С 1900 г. становится приват-доцентом Санкт-Петербургского университета и преподаёт монгольский и маньчжурский языки вплоть до реорганизации факультета восточных языков университета в факультет общественных наук (1919), принимает активное участие в организации Петербургского института живых восточных языков (ПИЖВЯ) (1920),

ставший одним из центров по изучению Востока; В.Л. Котвич был первым его ректором (1920-1922).

В 1912 г. В. Котвич совершил научную командировку в один из интересных уголков Монголии – орхонскую долину, которая славится археологическими и письменными памятниками. В Монголии он пробыл около трех месяцев, и за это короткое время сделал большой объем работы. Обнаружил памятник в местности Ихэ-Хушоту (Их-Хушот), расположенный вблизи соленых озер Давсн-нур на юге Центрального аймака МНР. Памятник в 1920-е гг. монголоведом Владимирцовым был включен в созданную им классификацию древнетюркских культово-поминальных сооружений VI-VIII вв.

Научная командировка Владислава Людвиговича состоялась благодаря инициативе и поддержке со стороны представителей бурятской интеллигенции, работающих в Монголии в начале XX в. - Цебена Жамсарано и Базара Барадийна, которые для В.Л. Котвича стали и соратниками по научной работе, и одновременно он выступал у них в роли наставника или куратора их научно-исследовательской экспедиционной работы под эгидой Русского комитета для Средней и Восточной Азии .

В связи с работой Ц. Жамсарано в Санкт-Петербурге В. Котвич и А. Руднев просили Комитет выделить ему «на текущий 1911 г. сумму в 900 рублей, которая бы дала ему возможность жить в Петербурге и сосредоточить свою деятельность на интенсивной обработке вышеуказанных материалов и подготовке их к печати». Ученые дали высокую оценку научной деятельности Ц. Жамсарано: «Ряд командировок Ц. Жамсарано в Иркутскую губернию и Забайкальскую область дали возможность подробно обследовать в лингвистическом и этнографическом отношении некоторые бурятские племена (особенно эхиридъ и булагадъ в Иркутской губернии и хоринцев в Забайкалье), выявить «необыкновенное богатство народного творчества бурят», что подтвердило необходимость дальнейших исследований ..., к этой работе монголоведы привлекли студента Санкт-Петербургского университета бурята Д. Ринчино и просили Комитет поддержать их просьбу – выделить Д. Ринчино «на работы ... летом 100 рублей», а Б. Барадийна и Ц. Жамсарано с согласия секретариата Русского комитета командировал в Забайкалье и Монголии, соответственно.

В 1909 г. на В. Л. Котвича через переписку в поисках научного руководителя вышел «представитель русского купечества в Северо-Западной Монголии Алексей Васильевич Бурдуков (1883-1943), торгующий в стране дэрбэтов, и в частности, среди

мало исследованного поколения байтов. Знакомство состоялось. С этого момента, фактически, началось становление А.В. Бурдукова как ученого-монголоведа. Под руководством В. Котвича он собирал образцы фольклора, редкие рукописи, занимался восточными языками. За свою исследовательскую работу в Монголии уже в 1911 г. был награжден малой серебряной медалью РГО. А.В. Бурдуков в дальнейшем оказал значительную помощь по сбору полевых материалов еще мало изученных монгольских племен Б.Я. Владимирцову, направленного по решению Комитета летом 1911 г. на шесть месяцев в Кобдосский округ – интересный в этнографическом отношении район, с целью продолжения успешно начатых им работ, еще будучи студентом в 1908 г., - «обследования, главным образом, байтов и хотонов».

Российско-монгольские отношения интересовали В.Л. Котвича всегда. Он долгое время работал с российскими архивами по истории многосторонних связей Джунгарского ханства с Русским государством в XVII и XVIII вв., итогом этого многолетнего исследования стала работа, опубликованная в 1919 г. «Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв.». К вопросам истории монголоязычных народов В.Л. Котвич возвращался в своих статьях «О памятниках монгольской письменности из Хара-хото», «Из поучений Чингис-хана», опубликованной в журнале «Восток» (№ 3, 1923), в отзыве на книгу Хара-Давана Эренжена «Чингис-хан как полководец и его наследие»(1929), - все это характеризует необычайно широкий и разносторонний интерес ученого к изучению самых различных сторон жизни монголоязычных народов – языка, письменных памятников, литературы, фольклора, эпоса, истории, религии.

Особенно ученого интересовали события, происходившие в Монголии в начале XX в. Создание независимого монгольского государства, было объективно прогрессивным явлением в истории страны. Монголия вступила в переговоры с Россией, куда была отправлена первая официальная монгольская делегация в 1911г., в 1912 г. – вторая. В.Л. Котвич как ученый и государственный чиновник России, был не только в курсе всех этих событий, но и помогал в решении межгосударственных вопросов.

Труды В.Л. Котвича (за все время научной деятельности им было опубликовано 150 работ) изданы на русском, польском, французском, английском и монгольском языках. Работая над польским архивом ученого и с каталогом библиотеки Варшавского университета и национальной библиотеки в Варшаве, можно было заметить, что рабочими

языками востоковеда были русский и польский, много работ написано на французском языке, большинство из которых было мало известно в России.

В. В. Понарядов

Халха-монгольский язык XIX в. в записях А.М. Позднеева и Г. Балинта: некоторые фонетические и морфологические особенности

Халха-монгольские записи А.М. Позднеева (собраны в 1876-1878 гг.) и Г. Балинта (относятся к 1873 г.) репрезентируют язык, характеризующийся по сравнению с современным монгольским языком некоторыми архаичными особенностями. Наиболее яркая черта в их фонетике – сохранение исторических кратких гласных непервых слогов, которые в современном языке редуцируются до утраты фонематичности и (позиционно) полного исчезновения.

В текстах, представленных в «Образцах народной литературы монгольских племен» А.М. Позднеева, редукция гласных вообще не отмечается: дайсуныйги ‘врага (вин. пад.)’, даруба ‘подавил’, харà ‘черный’, больчжй ‘став’, доторò ‘в середине’, туладà ‘ради’, йосоту хусэлыни тэрэ бй ‘это и есть истинное пожелание’. Ср. в современном монгольском: дайсныг, дарав, хар, болж, дотор, тулд, ёст хусэл нь тэр бий. По признаку сохранения в суффиксальных слогах тройственной фонематической оппозиции между гласными а, у, и (в словах сингармонического заднего ряда) или э, ү, и (в словах сингармонического переднего ряда) язык этих халхаских текстов фактически не отличается от среднемонгольского состояния, в то время как из современных северомонгольских идиомов подобная фонетическая архаика сохраняется только в хамниганском языке и частично во внутрнемонгольском ордоском диалекте.

Последовательное сохранение кратких гласных в конце лексических основ приводит к тому, что склонение их отличается от склонения основ, оканчивающихся на согласные: род. пад. āбайн (āба-йн) ‘родителя’, ламайн (ламá-йн) ламы, йиртынцуйн (йиртынцү-йн) ‘миров’, но номыйн (ном-ыйн) ‘учения’, голыйн (гол-ыйн) ‘реки’, намурыйн (намур-ыйн) ‘осени’, тугулуйн (тугул-ыйн) ‘теленка’; вин. пад. михайги (миха́-йги) ‘мясо’, модойги (модó-йги) ‘дерево’, но номыйги (ном-ыйги) ‘учение’. Ср. в современном языке: род. пад. аавын (аав-ын), ламын (лам-ын), ертөнцийн (ертөнц-ийн), номын (ном-ын), голын (гол-ын), намр-ын (намр-ын), тугалын (тугал-ын); вин. пад. махыг (мах-ыг), модыг (мод-ыг), номыг (ном-ыг).

В халха-монгольских записях Г. Балинта представлено, в общем, несколько более продвинутое фонетическое состояние. Он отмечает с помощью надстрочных диакритик,

что краткие гласные непервых слогов произносятся редуцированно, а иногда эти гласные вообще выпадают, вследствие чего в транскрипциях или не выписываются, или на их месте стоит апостроф. Часто Г. Балинт приводит оба произносительных варианта: akha-îgĭ или akhaëg ‘старшего брата’ (вин. пад.), akha-dă или akhad’ ‘у старшего брата’. Тем не менее, склонение основ, оканчивающихся на краткие гласные и на согласные, различается и у него: род. пад. akha-în (akhaën) ‘старшего брата’, но tsag-în ‘времени’.

Интересно, что родительный падеж от н-овых основ в записях А.М. Позднеева и Г. Балинта образуется по-разному: у Позднеева ūланай ‘горы’, насунай ‘возраста’, хūнэй ‘человека’, гūрүнэй ‘царства’; у Балинта naġān-î ‘солнца’, neġēn-î ‘имени’. В современном языке уулыны или уулын, насны, хүүний, гүрний, нарны, нэрний или нэрийн, т.е., как видим, и здесь формы, записанные Балинтом, оказываются более эволюционно продвинутыми.

По записям А.М. Позднеева и Г. Балинта видно, что в 70-е годы XIX века фонетико-морфологическая система халха-монгольского языка находилась в процессе диахронического преобразования: старые формы еще продолжали существовать, но постепенно вытеснялись более новыми, появление которых было обусловлена процессами фонетической редукции. Дальнейшее ее развитие может быть прослежено по работам более поздних исследователей, которые со временем становятся все более многочисленными. Уже «Grammaire et vocabulaire de la langue mongole (Dialecte des Khalkhas)» барона Г. Витале и графа Р. де Серсея, изданная в 1897 г., хоть и характеризуется крайне низким качеством фонетических транскрипций, безусловно отражает приближающуюся к современной степень фонетической редукции кратких гласных непервых слогов. Ср. пример оттуда: *Ci mini ahtut en ug helmer ‘Tu peux (le) dire, cette parole, à mon ami’*. В современном монгольском: Чи миний нөхдөд (?) энэ үг хэлмээр. В отношении внутримонгольских диалектов то же самое наблюдается в «Материалах по говорам Восточной Монголии» А.Д. Руднева (1911). Однако другие авторы еще долго продолжали описывать гораздо более консервативные произносительные нормы. Г.И. Рамстедт в вышедшей в 1903 г. работе «Das schriftmongolische und die Urgamundart» приводит фонетически редуцированные формы *neg* ‘один’, *jüs* ‘девять’, но в ее русском переводе, напечатанном в 1908 г. под названием «Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора», на их месте даются двойные варианты *neg*, *negĕ* и *jüs*, *jüssĕ*. Н.Н. Поппе в «Khalkha-Mongolische Grammatik mit Bibliographie, Sprachproben und Glossar» (1951) последовательно дает только более консервативные варианты, развитие редукции гласных в которых находится примерно на уровне

современного бурятского языка. В вышедшем в 1952 г. «Учебнике монгольского языка» А.Р. Ринчинэ довольно путано говорится о наличии в конце многих слов кратких гласных, которые на письме не обозначаются. Хотя в таких авторитетных современных источниках, как «The Phonology of Mongolian» коллектива авторов (2005) и «Mongolian» Ю. Янхунена (2012) сообщается, что фонематичность кратких гласных непервых слогов в современном монгольском языке утрачена, Н.С. Яхонтова в вышедшем в 1997 г. в составе многотомного издания «Языки мира» очерке монгольского языка по-прежнему утверждает, что слова эм ‘лекарство’ и эм ‘женщина’ в произношении различаются – в последнем из них присутствует не отражающийся на письме конечный редуцированный гласный, который, впрочем, может полностью выпасть, но в таком случае предшествующий согласный становится слогаобразующим. Самое последнее известное нам издание, в котором отстаивается подобная консервативная фонетическая норма – это вышедший в 2013 г. «Монгол хэлний үгийн дуудлагын толь» О. Самбуудоржа. Для монгольских слов в этом словаре дается латинская транскрипция, в которой конечные редуцированные гласные последовательно сохраняются.

Таким образом, процесс утраты фонематичности кратких гласных непервых слогов не завершился окончательно и в современном монгольском языке. Изучение материалов ранних исследователей позволяет проследить, как происходила редукция, и узнать, как выглядел монгольский язык до того, как она получила современное развитие. Записи А.М. Позднеева и Г. Балинта имеют тут особую ценность, так как отражают весьма раннюю ее стадию, когда редуцирующиеся краткие гласные непервых слогов не только сохранялись, но и оказывали влияние на алломорфное варьирование аффиксальных показателей.

Р. Ю. Почекаев

Судебный процесс 1251 г. и Мункесар-нойон: к вопросу о роли верховного дзаргучи в Монгольской империи середины XIII в.

(Доклад подготовлен в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Суд над потомками Чагатая и Угедэя, устроившими заговор против новоизбранного хана Мунке в 1251 г. получил весьма подробное освещение в источниках монгольской имперской историографии. Эти события уже неоднократно анализировались в контексте политической истории Монгольской империи, а также использовались как источник сведений о суде этого государства. В рамках настоящего доклада основное

внимание уделяется не только процессуальным особенностям данного дела, но и роли в нем нойона Мункесара, исполнявшего обязанности великого дзаргучи – верховного судьи Монгольской империи.

Источниками информации для анализа послужили сведения из «Истории завоевателя мира» Алла ад-Дина Ата-Малика Джувейни, «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, китайской династийной истории «Юань ши», также дополнительно привлекались источники об организации судебной деятельности в улусах Монгольской империи – сведения арабских и персидских хронистов, китайских (юаньских) правовых памятников, трактата «Дастур ал-катиб», составленного во второй половине XIV в. при дворе Джалаиридов – правителей Ирана. Также использованы результаты исследований специалистов по истории суда и процесса в Монгольской империи и чингизидских государствах – И. Вашари, Д. Лэйна, Т.Д. Скрынниковой, Ф. Ходоус и др.

Пост верховного дзаргучи появляется уже на начальном этапе существования державы Чингис-хана, назначившего на него своего приемного брата Шихи-Хутага. Однако о деятельности последнего на данной должности сведений не так уж много, несмотря на то, что его биография стала предметом специального исследования. Еще в меньшей степени освещена судебная деятельность Мункесар-нойона, по-видимому сменившего Шихи-Хутага на этой должности.

Собственно, сведения о процессе 1251 г. и являются наиболее детальным описанием его действий как верховного судьи Монгольской империи. При этом следует иметь в виду особенность данного разбирательства – в связи с тем, что подсудимыми являлись не просто подданные монгольского хана, а сами члены правящей династии, прямые потомки Чингис-хана и их жены.

Вероятно, именно это обстоятельство и обусловило специфическую роль великого дзаргучи в процессе: в его функции входило не столько принятие решения или вынесение приговора, сколько предварительное следствие, сбор доказательств и предоставление их самому хану Мунке, а также его влиятельным родственникам – матери Сорхактани, двоюродному брату Бату и др. Соответственно, Мункесар-нойон в рамках судебного разбирательства 1251 г. являлся своего рода «следственным судьей», тогда как подлинными судьями выступили сами правящие Чингизиды. Это, впрочем, соответствовало установлениям Чингис-хана, согласно которым судить его потомков имели право также только члены его рода.

Анализ процессуальных особенностей дела 1251 г. и роли в нем великого дзаргучи нойона Мункесара позволяет сделать вывод, что в процессах по наиболее тяжким политическим преступлениям обладатель этой должности играл роль следователя и, возможно, прокурора, но никак не судьи, выносившего итоговое решение или приговор. Другие же его функции (в отношении менее важных разбирательств или организации судебной системы Монгольской империи) могут быть выявлены на основе других источников: исторических хроник и летописей, а также правовых памятников чингизидских государств – империи Юань, Золотой Орды, государства ильханов в Иране.

Также нельзя не отметить, что обладатели должности великого дзаргучи (равно как и региональных судей-дзаргучи) осуществляли свою деятельность не на «профессиональной основе»: как правило, это были представители военной аристократии Монгольской империи и ее улусов и, наряду с судебными функциями, также обладали административными полномочиями регионального или местного уровня, участвовали в боевых действиях в качестве военачальников и пр. Это в полной мере относилось и к нойону Мункесару, чья деятельность как сподвижника хана Мунке в походах освещена в источниках (в частности, в его биографии в «Юань ши») не менее подробно, чем его судебные функции.

С. С. Сабрукова.

Письма Н.П. Шастиной к Бурдуковой Т.А. (1955-1966 гг.) (по материалам Архива Востоковедов ИВР РАН)

Т.А. Бурдукова (1912-1987), специалист в области монгольской филологии, преподаватель монгольского языка и литературы на Восточном факультете ЛГУ (1949-1976) оставила после себя большое творческое наследие. В Архиве Востоковедов ИВР РАН хранится коллекция материалов Т.А. Бурдуковой, которая отражает все аспекты её трудовой деятельности. Это научные труды и материалы к ним, документы к биографии и по деятельности, переписка, труды других лиц, коллекции печатных изданий. В раздел «научные труды и материалы к ним» вошли, в основном, курсы лекций по монгольской литературе и фольклору, хрестоматии, методические пособия и программы, отзывы о разного рода работах студентов и переводы произведений с монгольского языка на русский как старых текстов, так и современных газет, и журналов. Не менее интересным по содержанию и объемным по количеству корреспонденций является раздел «переписка» (64 ед. хр.), где представлены письма как самого фондообразователя, так и адресованные

ей. Таисия Алексеевна вела активную переписку с родственниками, друзьями, коллегами, монгольскими учеными и писателями, со студентами и с их родителями.

Из всех материалов, наше внимание привлекли письма Нины Павловны Шастиной (1898-1980), ученого, исследователя истории и историографии Монголии, к Т.А. Бурдуковой. Всего 14 писем с 1955 по 1966 годы. Они носят сугубо научный характер и посвящены обсуждению всевозможных тем, связанных с профессиональной деятельностью: востоковедением, монголоведением, с рецензиями к публикациям, последними новостями в мире науки, о текущих планах работы, в частности, об издании сборника статей, посвященного памяти Б.Я. Владимирцова. Нина Павловна, в качестве редактора, начала собирать статьи для сборника в 1955 г., и просит Таисию Алексеевну написать статью, на что Т.А. Бурдукова обещает ей написать статью о «Наставлениях Ишиданзанванжила»²¹. В конечном итоге, сборник, посвященный памяти Б.Я. Владимирцова, был издан в 1958 г., но статьи Т.А. Бурдуковой там нет.

Все письма начинаются со слов «дорогая Таисия Алексеевна» и везде Нина Павловна обращается к адресату уважительно на «вы» с большой буквы. Хотя Таисия Алексеевна была младше Нины Павловны на 14 лет, но видно, что они поддерживали дружеские и доверительные отношения. В 1955 г. было написано 4 письма из которых мы узнаем, что Л. С. Пучковский приезжал в Москву в Институт Востоковедения АН СССР на обсуждение своей монографии «Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения». Вып. 1. История, право. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1957. Также сообщается, что в марте планируется проведение торжественного заседания в честь столетия со дня смерти Д. Банзарова (1822-1855) и Нина Павловна в компании Г.Д. Санжеева и Г.И. Михайлова собирается поехать на научную сессию в Улан-Удэ, посвященную этой же дате. В это время в Москве находился Г.Н. Румянцев (1903-1966) сдавал в печать «Сборник сочинений Банзарова» с примечаниями. Нина Павловна была издательским редактором этого сборника. В декабре 1954 г. Союз писателей СССР организовал встречу монгольских писателей с монголоведами, на которой присутствовал также редактор издательства художественной литературы и рассказывал о планах на 1955 г. В этой связи Н.П. Шастина, Г.Д. Санжеев и Г.И. Михайлов дали хорошие рекомендации лицам, привлеченным к переводам произведений монгольских писателей — Т.А. Бурдуковой и Б.И. Панкратову.

²¹ В монгольском фонде представлены рукописные образцы монгольской авторской поэзии: стихи Гунга-дзу гэгэна из Ордоса (Ишидандзинванджила).

24 октября 1955 г. Ученый Совет филологической секции ИВ организовал обсуждение книги Г.И. Михайлова «Очерки современной художественной монгольской литературы», на который Т.А. Бурдукова была официально приглашена в качестве рецензента.

В декабре 1955 г. Нина Павловна пишет, что очень устает не сколько от научной, а больше от организаторской деятельности, т.к. занимала должность секретаря редакционной коллегии и пропустила несколько защит диссертаций и среди них одну литературную ленинградского мальчика о китайской драме. Последним, видимо является Л.Н. Меньшиков (1926-2005). В декабре 1955 г. Лев Николаевич досрочно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Современная реформа китайской классической драмы». Другой хорошей новостью, с которой Нина Павловна с радостью делится с Таисией Алексеевной является известие о том, что в ИВ приняли на работу Петра Емельяновича Скачкова (1892-1964), историка-китаевода, специалиста в области библиографии, историографии и публикации памятников.

1956 годом датируются 2 письма, в первом из них идет речь о переписке А.В. Бурдукова с В.Л. Котвичем, Б.Я. Владимирцовым, Г.Н. Потаниным. Таисия Алексеевна распечатала письма и, видимо, искала возможности их опубликовать. Нина Павловна пишет: «Письма, увы! Решили не печатать, т.к. в них много личного и, самое главное, критика русской политики в Монголии. И Санжеев и Михайлов считают, что сейчас не время поднимать этот вопрос (о критике) и я одна осталась в меньшинстве». Здесь же описываются события, которые происходили в эти годы в ИВ АН СССР, когда директором института был А.А. Губер (1902-1971) и опасения Шастиной, что Восточный институт могут открыть в Ленинграде. Речь идет об Институте восточных языков при МГУ (1956 г.) (ныне ИСАА МГУ), одним из основателей которой является А.А. Губер.

О себе Нина Павловна пишет, что обрабатывает монгольские письма XVII в. И среди них нашла две калмыцкие записки, написанные монгольским письмом, а не «ясным письмом» т.к. он еще не был изобретен тогда. Также она пишет, что «наткнулась также на остаток печати Батура-хунтайджи²². Очень интересная печать, хотя и плохой сохранности

²² Батур-хунтайджи (Эрдэни Батур-Хунтайджи) (? – ок. 1653, Кабук-Сари), основатель и первый правитель (1635–1653) Джунгарского ханства. Старший сын чороского хана Хара-Хулы, при котором стало складываться государство ойратов. Стал инициатором проведения в Джунгарии в 1640 всемонгольского съезда ойратских и халхаских феодалов с целью объединения страны перед угрозой вторжения маньчжурских завоевателей. На съезде был принят единый свод законов, т. н. Великое уложение (Цааджийн-бичиг). Б.-Х. поощрял занятие земледелием и ремёслами, поддерживал дипломатические и

— 4 горизонтальных строки на 3-х языках – из них на тибетском в двух шрифтах – ланьчжа²³ и обычный шрифт. Смогла прочесть только тибетскую строку — яснее других. Калмык называет себя – царь царей! Каково? Читала также очень интересные документы о посольствах «княгини Гунжи» – жены Гуши-хана²⁴. Энергичная была дама».

Во втором письме Нина Павловна пишет: «а сейчас позвольте мне рекомендовать Вашему вниманию молодую исследовательницу культурных связей России и Монголии Елену Марковну Даревскую (1919-2010). Я знаю ее еще со времен ее студенчества и интерес к Монголии у нее глубокий и настоящий. Ее очень интересует Алексей Васильевич и, если она напишет о нем очерк, то я с удовольствием возьму его в «Очерки по истории русского востоковедения».

Таким образом, мы видим, что эти письма действительно носят научный характер и ценны тем, что в них обсуждаются самые разнообразные вопросы востоковедения, научные новости, вскрывается современная жизнь востоковедных учреждений или отдельных ученых. Поэтому эпистолярное наследие ученых как отражение научной жизни заслуживает нашего внимания, т.к. с развитием технологий письма в бумажном варианте почти изжили себя.

Т. Д. Скрынникова

Мифологизация образа Чингис-хана в анонимной Алтан Тобчи

Период конца XVI – начала XVII вв. на территории Внутренней Азии и граничившей с ней Китаем характеризуется серьезными политическими и межкультурными столкновениями. Это определило канон, по которому строились монгольские сочинения той эпохи, когда особенно обостряются и углубляются политические и культурные конфликты политических акторов. Во-первых, важным фактором, определяющим политическую ситуацию, была борьба за политическое превосходство в регионе между монголами и новым игроком на политическом поле – маньчжурами. И, во-вторых, нельзя не отметить постоянные внутренние столкновения – конфликты между монгольскими властвующими домами в борьбе за лидерство в

торгово-экономические связи с соседями, в т. ч. с Россией, способствовал возведению ламаистских монастырей и храмов, за что получил от Далай-Ламы почётный титул Эрдэни (драгоценный).

²³ Одна из индийских письменностей, получившая развитие в XI в. из письма брахми. В Тибете она известна под названием ланца и использовалась для записи санскритских первоисточников.

²⁴ Хошутский правитель Гуши-хан (1582—1655) известен главным образом тем, что, вступив со своим войском в Тибет, силой оружия сделал главенствующей религиозную школу Гелугпа. В результате наиболее почитаемый иерарх этой школы — Далай-лама V — стал духовным и светским главой Тибета.

монгольском мире, которые зачастую одновременно сопровождались и религиозными противостояниями между сторонниками распространения буддизма и традиционалистами, сохранявшими приверженность традиционным верованиям.

В подобную эпоху, как в монгольском мире конца XVI – начала XVII веков, характеризующейся актуализацией идеи общемонгольского единства, создается нарратив: концепты и мифологемы, формирующие коллективную идентичность. Активная политическая деятельность требовала идеологической поддержки имперских амбиций, и эта поддержка сложилась в стиле обосновывающего воспоминания, которое сохраняется, как известно, в культурной памяти. В культурной памяти, с одной стороны, сохраняются страницы прошлого. Но с другой стороны, это прошлое модифицируется, приспособливаясь к актуальности момента, оно не сохраняется в ней как нечто реально существовавшее, приобретая зачастую символические черты. Таким образом можно сказать, что прошлое, зафиксированное в монгольских летописях XVII века, становится результатом социально-конструктивистской деятельности элит, определяемой духовными потребностями эпохи актуализации идеи монгольского возрождения.

Национальное возрождение (пробуждение) монголов способствовало мобилизации культурно-исторической памяти, противопоставляя нестабильной современности эпоху величия монголов. Одной из главных задач сочинения анонимный автор Алтан Тобчи видел в обосновании легитимности власти последнего всемонгольского правителя – Лигдэн-хагана, что нашло отражение в мифологической по своему характеру генеалогии. Необходимо отметить появление нового концепта, которого мы не находим в *Тайной истории монголов* и который становится постоянным маркером властной элиты – принадлежность к *алтан уруг*, родоначальником которого в плаче Тогон Тэмюра называется Чингис-хаган, а не Бортэ-Чино, который «стал родоначальником клана “монгол”» или Бодончара, родившегося от небожителя. Причем, если следовать идее пролога, содержащего мифологическую генеалогию правителей Индии и Тибета, монгольские правители являлись наследниками верховной власти первого правителя Индии Махасамматы, *алтан уруг* которого распространился на восток, как свидетельствует одна из версий Алтан Тобчи. Однако отмечается и мифологема, которой не было в *Тайной истории монголов* – Чингис-хаган является сыном Верховного божества (*qan tngri-yin köbegün činggis qaγan-u altan uruγ*).

В отличие от *Тайной истории монголов*, где описывается реальная деятельность Чингис-хагана, его образ в летописях XVII в. мифологизировался, окрашенный

гипертрофированной сакрализацией героя. В *Тайной истории монголов* тоже отмечается его сакральность: родился со сгустком крови в руке; отличался своим видом – с огнем в глазах, с сиянием в лице; мотив большого пальца; своей харизмой (сулдэ) он побеждал врагов. Особенно выразительно нарратив гипертрофированной сакральности Чингис-хагана анонимный автор Алтан Тобчи передал в плаче, поэтический текст которого приписывается сунитскому Хилэгудэй-багатуру, который сопровождал останки Чингис-хана, который, как известно, умер после разгрома тангутов, на родину. В тексте этого плача Хилэгудэй-багатур перечисляет все важнейшие атрибуты власти, которые обеспечивали существование Монгольского улуса, т.е. моделирует актуальную для того периода картину мира. Из-за того, что харизма покидает тело Чингис-хана, «яшмовый/высокий/подобный горе *törö* становится низким» (*qas/ündür/ayula boluysan törü ğin-u boγonidum-ja*), в результате чего происходят негативные события не только в социальном пространстве (все сиротеют, народ разбегается), но и нарушается природная гармония ('вода в пустыне и дороги в горах исчезают'). Текст «Плача» демонстрирует, что, согласно традиционным представлениям, выполнение правителем (Чингис-хаганом) регулирующей функции в природе и социуме обеспечивается его особой связью с *törö* – универсальным законом Вселенной или Высшим Законом, который Небо проявляет через правителя. Интересно, что Плача Хилэгудэя-багатура, как и упоминания его имени, мы не найдем ни в *Тайной истории монголов*, ни в *Сборнике летописей* Рашид-ад-дина, что позволяет предположить, что это фольклорный текст, вошедший в летописи XVII в.

Примечательны слова Плача: «Начиная с этого времени всеобщее вечное тело – опора ханов и дзайсанов, святыня всего народа, всеобщий вечный столп – восемь белых юрт», которые отмечают место, где застряла повозка с телом Чинигс-хагана и были оставлены его юрта, одежда, чулки. В контексте традиционной политической культуры монголов такие слова как *опора*, *столп* маркируют сакральный центр монгольской общности, ее *Axis mundi*, выполнявший гармонизирующую функцию в природе и социуме – восемь юрт в Эджэн Хоро. Можно говорить о том, что анонимный автор Алтан Тобчи фиксирует факт институализации власти – формирование концепта *престол* (*оро[н]*), которого не было в XIII в. Анонимный автор Алтан Тобчи обосновывает легитимность правителя в претензии на верховную власть в монгольском мире через интронизацию в этом месте (Вспомним историю ойратского Тогон-тайши). Важность данного концепта в легитимации верховной власти подтверждают слова Тогон-Тэмура, который завершает свой Плач напоминанием, что он сохранил символ власти – яшмовую печать хагана-

владыки, и пожеланием: «Пусть престол хагана-владыки будет престолам хана!», что свидетельствует о его уверенности в вечности монгольской империи.

Нельзя не вспомнить мифологических нарративов фольклорного характера: историю Чингис-хагана в образе старика с луком и мотив оборотничества в борьбе Чингис-хагана с тангутским правителем незадолго до смерти, где демонстрируются его волшебные сверхчеловеческие способности. Все это, безусловно, способствовало идеализации и мифологизации образа Чингис-хагана в воспоминательном дискурсе культурной памяти монголов.

Ревитализация славных страниц истории монголов приобретают смысл, который формирует представления о себе и направляет деятельность элит. Зафиксированные в письменных памятниках XVI – XVII вв. актуальные мифологемы, конструирующие идентичность, кодифицируются и приобретают устойчивую форму. Причем, вне всякого сомнения, это социально воссозданное прошлое являлось результатом осмысленного конструирования, призванного служить возрождению и реализации имперских амбиций. И в этом случае политическая культура представляла собой целый комплекс знания, обосновывавшего идентичность и объективированного в разных символических формах, нашедших отражение и зафиксированных в письменных текстах – рукописях XVII в. В них можно обнаружить мифы, исторические рассказы, нормативные представления, обряды, географические объекты, приобретшие функции/значение символов монгольской идентичности.

К.Ю. Соловьева, М. В. Федорова

Экспедиция Д.Э. Ухтомского в Северную Монголию: от атрибуции до публикации

В 2021 г. был опубликован альбом «Северная Монголия в объективе экспедиции Д.Э. Ухтомского. Каталог коллекций Российского этнографического музея» – совместный проект Института истории и этнологии Монгольской академии наук (Улан-Батор) и Российского этнографического музея (Санкт-Петербург). Альбом является седьмым в серии публикаций «Монголия и монголы», издающейся Институтом истории и этнологии Монгольской академии наук и Международной ассоциацией монголоведов.

Издание посвящено одной из ярких и до недавнего времени малоизвестных страниц российского востоковедения и музееведения: истории экспедиции 1913 года в Северную Монголию сотрудника Этнографического отдела Русского музея императора

Александра III Дия Эсперовича Ухтомского при участии антрополога А. З. Носова и археолога П. А. Смелова.

Фотографии, сделанные во время экспедиции, представлены в собрании РЭМ 263 снимками, являющимися жемчужиной фотографического собрания музея по традиционной культуре монголов. На них запечатлены пейзажи, селения, традиционные жилые и хозяйственные постройки, средства и способы передвижения, бытовые сцены, портреты представителей разных социальных слоев и групп, буддийские монахи, монастыри и культовые сооружения. Большую историческую и этнографическую ценность представляют фотографии сцен мистерии Цам, проводившейся в монгольском монастыре Амарбаясгалант.

При подготовке материалов экспедиции к публикации авторами была проделана всесторонняя работа по атрибуции фотографий, непосредственно включавшая работу с самими снимками, а также с архивными и опубликованными научными источниками. Есть сведения, что во время поездки Д.Э. Ухтомский вел дневник, который до сих пор не найден. Однако сохранились документы служебной и частной переписок, краткий отчет ЭО, журналы заседаний Совета ЭО и две публикации А. З. Носова по материалам экспедиции. Эти уникальные материалы, а также опись зарегистрированной в 1929-1930 гг. Е. П. Орловой фотоколлекции под № 4976, позволили реконструировать маршрут экспедиции, проследить ее ход и историю. Опубликованные в альбоме 220 фотографий расположены авторами в хронологическом порядке, в соответствии с маршрутом экспедиции. Они сопровождаются расширенными аннотациями, описаниями сюжетов и атрибуцией, позволившей установить авторство каждого снимка.

Известно, что опыт экспедиционной съемки был у всех участников экспедиции: об этом свидетельствуют хранящиеся в фотоархиве РЭМ коллекции фотографий, привезенные Д. Э. Ухтомским из экспедиции к бурятам в 1908 году; П. А. Смеловым – из поездки к великорусам центральных губерний России в 1911 году; А. З. Носовым – из Сербии в 1911–1912 годах. Причем А. З. Носов пользовался стеклянными негативами размером 9x12 см, А.П. Смелов – также стеклянными негативами, но форматом 13x18 см, а Д. Э. Ухтомский снимал на редкие для того времени пленочные негативы. В архивных материалах удалось найти документы, подтверждающие, что Д. Э. Ухтомский и А. З. Носов снимали на свои личные фотоаппараты. В результате проведенных исследований оригинальных негативов и фотоотпечатков авторы установили, что съемка во время экспедиции осуществлялась с трех фотоаппаратов, а сохранившиеся сведения о

негативах (стекло, пленка, формат) позволили достоверно определить, кем конкретно был сделан снимок.

Таким образом, атрибуция хранящихся в фотоархиве РЭМ фотографий позволила открыть новую страницу в изучении фотоколлекций экспедиции Д. Э. Ухтомского: максимально отразить новаторский для дореволюционной полевой практики ее комплексный характер, где каждый участник был ответственен за определенное направление в исследовании. В этом, несомненно, огромная заслуга яркой личности Д. Э. Ухтомского, сумевшего реализовать в столь непростых условиях научный потенциал всех участников.

Данное издание – важное событие не только с точки зрения ввода в научный оборот новых материалов и популяризации культурного наследия монгольских народов, но и интеграции коллекций РЭМ в единое культурно-информационное пространство России, Монголии и других стран Центральной Азии.

Т. И. Юсупова

Акты дарения Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова (1923–1926 гг.)

Традиция дарения является одной из составных частей гостеприимства, формой этикета многих восточных народов. Учитывая этот факт, практика дарения широко использовалась руководителями экспедиций РГО в страны Центральной Азии для налаживания контактов с местным населением. В своих отчетах путешественники, как правило, отмечали такие действия – указывали кого приветствовали, за что благодарили, какой преподносили подарок. Эти сведения, на наш взгляд, представляют собой ценную информацию для понимания характера и форм взаимодействия конкретных исследователей с народами и правителями исследуемых территорий, углубляют и дополняют наши знания о деятельности российских экспедиций и социальных контекстах изучения этого геополитически важного региона.

В докладе на материалах Государственного архива РФ (ГАРФ) и дневников известного исследователя Центральной Азии П.К. Козлова мы рассмотрим акты дарения в ходе его Монголо-Тибетской экспедиции, совершенной в 1923–1926 гг. Наше внимание будет сфокусировано на формировании состава подарков, мотивациях и персональных историях дарения. Из многочисленных контактов экспедиции мы остановимся на коммуникациях только с представителями монгольской элиты, поскольку взаимодействия

с ними были важны для организации работы в Монголии, где на тот момент, также, как и в России, произошли кардинальные социально-политические трансформации. В этом аспекте акты дарения представляют интерес как инструменты установления коммуникаций, закрепляющие контакты Козлова с новыми монгольскими элитами. При этом их рецензии и ответные подарки демонстрируют персональные отношения и лично к нему, и в целом, к деятельности советской экспедиции на территории Монголии.

В докладе будет кратко освещен вопрос финансирования экспедиции и формирования состава подарков. Показано, что все расходы экспедиции правительство взяло на себя, поскольку с ее деятельностью связывались определенные надежды на усиление влияния Советской России в буддийском мире. Кроме того, экспедиция Козлов – на тот момент самого известного и авторитетного российского путешественника по Центральной Азии – повышала престиж советской науки в изучении ее обширной территории. В связи с этими обстоятельствами Монголо-Тибетскую экспедицию щедро профинансировали. Правительство выделило Козлову сто тысяч рублей золотом («из фондов золотой секции Наркомфина») – очень большая сумма по тем временам.

Козлов понимал значение подарков для монголов и ответственно относился к их выбору. Подарки для особо важных персон, представителей местной администрации и духовной власти (прежде всего, для тибетского далай-ламы) ему разрешили отобрать из Государственного хранилища (Гохрана). В качестве подарков им были выбраны предметы из золота и серебра, драгоценных камней и самоцветов, высокохудожественные ювелирные изделия, дорогая парча и др.

В дневниках Монголо-Тибетской экспедиции Козлов подробно описывал все акты дарения от имени экспедиции. Среди лиц, которым преподнесли подарки в первую очередь, были премьер-министр Монголии Б. Цэрэндорж, главнокомандующий Монгольской народно-революционной армии С. Данзан, военный министр Хатан-Батор Максаржав, министр внутренних дел Цэцэн-хан, а также председатель Ученого комитета Монголии А. Жамъян и ученый секретарь, богдо-геген и его жена. Сценарий дарения и состав подарков зависел от социального статуса одариваемого и его возможного значения для экспедиции.

Подарки для Козлова были не только знаком вежливости и уважения, но и показателем его престижа. Надо отметить, что Козлов щедро раздавал подарки, при этом действовал, исходя из важности одариваемого для работы экспедиции в Монголии или своих симпатий к людям, которые оказывали помощь в ее работе. Считая, что выбор

одариваемых и конкретного подарка полностью входит в компетенцию начальника экспедиции, он не согласовывал свои действия с советским полпредствительством в Улан-Баторе. После завершения экспедиции компетентные органы указали ему на недопустимость такой «самодеятельности».

Отчет об израсходованных подарках, представленный Козловым в СНК СССР и хранящийся в Государственном архиве РФ, дает нам возможность детализировать акты дарения Монголо-Тибетской экспедиции персонально и предметно (в докладе будет приведен список подарков: золотые часы фирмы Буре, золотые с бриллиантами и драгоценными камнями портсигары и табакерки и многое другое). В то же время дневники путешественника отражают смысловую нагрузку акта дарения: от формального соблюдения обычая до коммуникативного действия и формы межличностного персонифицированного контакта.

Н. В. Ямпольская

Влияние письменной традиции на ритуальные тексты культа Белого Старца

Доклад обобщает наблюдения, сделанные в процессе исследования нескольких текстов, посвящённых культу Белого Старца. Сочинения, о которых пойдёт речь — это ритуальные тексты небольшого объёма, прозаические и стихотворные. В центре внимания ойратские версии двух наиболее широко распространённых сочинений рассматриваемого корпуса: «Сутры Белого Старца» и одного из текстов жанра *санг*. «Сутра» — нарративный текст, основная функция которого (наравне с ритуальной) состоит в легитимации фигуры Белого Старца (божества народной религии монголов) в рамках буддийского пантеона. Текст жанра *санг* имеет сугубо ритуальную функцию: он произносится во время совершения подношения Белому Старцу в виде воскурения.

По мнению исследователей, изучавших корпус текстов культа Белого Старца (Вальтер Хайссиг, Хироси Футаки), в письменной форме эти сочинения были впервые зафиксированы в XVII или XVIII вв., однако точных данных о времени их формирования нет. Сравнительное текстологическое исследование показывает, что ряд устойчивых формул сложился, вероятно, ещё на ранней стадии (возможно, в процессе устной передачи) и позже стал основным «строительным материалом» для письменных текстов разной формы. Это наиболее очевидно на примере «Сутры», которой была придана форма буддийского канонического текста, заметно контрастирующая по стилю и содержанию с более архаичными слоями этого сочинения.

Исследование ойратских версий, часть которых сформировалась, очевидно, в более поздний период (XVIII–XX вв.), показывает, что включение ритуальных текстов культа Белого Старца в поле письменной монгольской буддийской литературы принесло новые изменения в их форму и содержание. Можно говорить о трёх этапах легитимации этих текстов как буддийских. Если первым было введение в них определённых элементов структуры и содержания (самый яркий пример — «Сутра Белого Старца»), то вторым этапом стал перевод части этих сочинений на язык буддийского ритуала — тибетский. Третьим шагом можно считать описанный нами в процессе работы случай обратного перевода с тибетского на ойратский язык, что свидетельствует о более высоком статусе тибетоязычной версии по сравнению с ойратскими. В результате в корпус текстов Белого Старца, сложенных на естественном и простом языке популярного ритуала, был включён текст, стилистически принадлежащий к иному пласту литературы и представляющий собой характерный пример сочинения, написанного искусственным «языком сутр», сложившимся как часть традиции буквального перевода с тибетского на монгольский язык.

Н. С. Яхонтова

Студенты сарт-калмыки – ученики А.В. и Т.А. Бурдуковых (по материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга)

(Доклад выполнен в рамках Гранта РФФИ 20-012-00537 Лингвофольклорное и историко-культурное наследие сарт-калмыков Кыргызстана глазами российских ученых: история и современность (по архивным и полевым материалам))

Сарт-калмыки — потомки ойратов, которые после падения Джунгарского ханства в середине XVII века, остались кочевать на территории Восточного Туркестана. В конце XIX века их небольшая часть получила в пользование кочевья на территории России к востоку от озера Иссык-Куль между реками Караколь и Челпек, где также проживали киргизы и дунгане. Сарт-калмыки как и их соседи — мусульмане.

А.В. Бурдуков — талантливый монголовед непростой судьбы, в 1926 г. со своей семьей перебрался из Монголии в Ленинград. Решающую роль в этом сыграла переписка с В.Л. Котвичем, затем личное знакомство и переписка с Б.Я. Владимирцовым. Способности А.В. Бурдукова, его стремление служить монголоведению, непрерывное самообразование, знание Монголии, свободное владение монгольским и калмыцким

языками позволили Б.Я. Владимирцову рекомендовать²⁵ его на работу в Ленинградском восточном институте (ЛВИ)²⁶. А.В. Бурдуков с 30 января 1927 г. был зачислен лектором, ведущим практические занятия по монгольскому языку.²⁷ Его преподавательская деятельность была успешной и его неоднократно отмечали в приказах,²⁸ он принимал участие в работе Научно-исследовательской ассоциации ЛВИ²⁹, выступая с докладами, готовил к публикации несколько печатных работ³⁰. В 1934 г. он уже работал в должности доцента. Одновременно он преподавал на Рабфаке,³¹ в приказе № 40 по Учебной части Рабфака от 23 марта 1927 г. сказано: «Полагать зачисленным в штат преподавателя Рабфака с 22 марта с. г. тов. Бурдукова А.В. на должность преподавателя монгольского языка и лектора по экономики Сибири, с оплатой по ставке за 14 недельных часов, а в летнее время – за 12 недельных часов.»³² Там он преподавал до преобразования его в

²⁵ Сохранилось рекомендация, написанная Б.Я. Владимирцовым в Правление ЛИЖВЯ от 25 января 1927 г., в которой он подробно описывает достижения А.В. Бурдукова в области монголоведения и в конце пишет: «Монгольский разряд в виду вышеизложенного обращается в Правление с ходатайством о приглашении А.В. Бурдукова лектором монгольского языка с поручением ему ведения практических занятий на всех курсах, будучи уверен, что найдет в нем верного и незаменимого сотрудника.» [ЦГА. Ф. 7222. Оп. 9. Д. 18. Лл. 3-5].

²⁶ Институт, образованный в 1920 г., сначала назывался ЦИЖВЯ, потом ПИЖВЯ (1922), ЛИЖВЯ (1924). С 1927 г. — Ленинградский восточный институт.

²⁷ Протокол № 1 заседания Правления президиума ЛИЖВЯ, 30 января 1927 г. [ЦГА. Ф. 6951. Оп. 1. Д. 6. Л.21]

²⁸ В приказе по ЛВИ № 12 от 17 января 1935 г. А.В. Бурдуков «за лучшую учебно-методическую и общественную работу профессорско-преподавательского состава Института» был отмечен одним из ударников. В приказе по ЛВИ № 61 от 27 мая 1935 г. сказано: «Результатом проведения конкурса на лучшую лекцию и занятие, объявленного моим (ректора М.И. Амагаева. – Н.Я.) приказом от 25 февраля с.г. выявили ряд достижений в методах преподавания дисциплин социально-экономического цикла и языковедения... Конкурсные комиссии посетили ряд занятий преподавателей в различных группах и курсах. Комиссия представила в качестве лучших занятий, заслуживающих внимания и поощрения следующих преподавателей: ... Тов. Бурдуков – преподаватель монгольского языка. Занятия тов. Бурдукова отличаются большой продуманностью тематики, высокой активностью студентов младших курсов уже умеющих выступать на монгольском языке по различным вопросам. Тов. Бурдуков добился хороших результатов, его студенты показывают умение самостоятельно работать над языком, хорошо готовятся к занятиям, с увлечением относятся к делу. Его изложение отличается простотой и убедительностью и легко воспринимается студентами.» За эти достижения А.В. Бурдуков получил премию 200 руб. По результатам работы в 1934/35 учебном году А.В. Бурдуков был признан ударником. (Приказ по ЛВИ № 62 от 29 мая 1935 г.: «по представлению учебной части и Месткома, за лучшую учебно-производственную и методическую работу, обеспечившую хорошую успеваемость студентов, за большую научно-исследовательскую работу, сочетаемую с педагогическим процессом, за хорошую работу в кафедре и за общественную работу») [ЦГА. Ф. 7222. Оп.16. Д. 5. Лл. 24(об), 112(об)-113, 115].

²⁹ На 1934 год были запланированы разработка темы и доклад: «Скотоводство (пути реконструкции)» А.В. Бурдуков совместно с Г.И. Михайловым. Также А.В. Бурдуков принимал участие в составлении терминологического словаря в составе коллектива (К.М. Черемисов, Г.Н. Румянцев, Э.Р. Рыгдылон) под руководством Н.Н. Поппе [ЦГА. Ф. 7222. Оп. 15. Д. 41. Л. 1]. На 1935 — доклад «Ойратские наречия и их взаимоотношения. Ойратское наследие в современном калмыцком языке» [ЦГА. Ф. 7222. Оп. 15. Д. 41. Л. 11].

³⁰ Планировались две работы «Тридцать лет среди монгол. (воспоминания очевидца о феодальных отношениях монгол)» 10 п. л. и «Руководство по монгольскому разговорному языку» 25 п. л. (совместно с Э.Б. Батуханом) [ЦГА. Ф. 7222. Оп. 15. Д. 41. Лл. 17, 23].

³¹ Рабфак при ЛВИ был организован в 1926 г., через год был переименован в Северный факультет при ЛВИ, в 1929 г. передан в состав Педагогического института им. Герцена.

³² [ЦГА. Ф. 6951. Оп. 1. Д. 2. Л. 54].

Северный факультет в составе Педагогического института им. Герцена³³. Когда в 1932 г. были образованы Курсы нацмен Советского Востока (КНСВ), А.В. Бурдуков преподавал там сарт-калмыцкий язык до закрытия Курсов в 1936 г. Он составил предварительную учебную программу по этому языку³⁴.

Т.А. Бурдукова – дочь А.В. Бурдукова после окончания в 1934 г. ЛИФЛИ поступила на работу в ИВ АН, но еще в 1933 г. она начала преподавать монгольский язык в ЛВИ и КНСВ.

Летом 1929 г. А.В. Бурдуков по поручению Монгольской комиссии Академии наук совершил в этнолого-лингвистическую поездку к сарт-калмыкам, у которых он пробыл два месяца. В течении этого времени он знакомился с современной жизнью сарт-калмыков, собирал этнографический материал, статистические и исторические сведения, записывал произведения устного творчества. Подробный отчет о его поездки был опубликован в статье в журнале «Советская этнография» [Бурдуков 1935].

Можно предположить, что приезд молодых людей сарт-калмыков обучаться на Курсах напрямую связан с поездкой А.В. Бурдукова.

В программе по сарт-калмыцкому языку, составленной А.В. Бурдуковым, сказано, что на тот момент³⁵ обучение проходили 11 человек на трех курсах: двое — на третьем курсе, один — на втором, двое — на первом, а остальные — на подготовительном. Характеризуя их уровень, он отмечает, что между их уровнями владения национальным языком имеется значительное расхождение: «среди них есть свободно читающие, но есть и такие, которые не знают всех букв».³⁶

Среди личных дел студентов, хранящихся в ЦГА в Фонде 4363 (Курсы нацмен Советского Востока), пока удалось установить имена десяти сарт-калмыков. Трудность их опознания связана с тем, что в описи указаны только имена обучавшихся, а все имена сарт-калмыков мусульманские. Таких имен очень много среди почти тысячи имен студентов. Найти среди них сарт-калмыков удалось благодаря одному документу, который связан с реорганизацией Курсов, произошедшей осенью 1932 г., когда во исполнении постановления президиума ЦИК СССР для дальнейшего обучения были

³³ Личное дело А.В. Бурдукова [ЦГА. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 671. Л. 2(об)].

³⁴ [ЦГА. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 1020. Л. 22, 22(об)].

³⁵ На программе дата ее составления отсутствует, но архивное дело датируется 1933/34 учебным годом.

³⁶ [ЦГА. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 1020. Л. 22].

оставлены только студенты тех национальностей, которые не имели своего собственного государственного устройства (республики или области). В прилагаемые списки допущенных к обучению национальностей сарт-калмыки не попали и им грозило отчисление. Однако студентам им удалось остаться: они получили заключение из Института востоковедения, о том что они как нацменьшинства отвечают всем необходимым критериям и приложили его к заявлению на имя ректора Курсов³⁷. На заявлении стоят имена 11 студентов, из которых в личных делах десяти указана национальность сарт-калмык. Их имена: Азнакулова Нагима, Азнакулов Рахим, Айтбаева Аимбубу, Ахмедшарипов Абдукат, Керимкулов Махмет, Махмедов Шакир, Мыдаев Худайкул, Токбаев Сарлейман, Токбаева Сарра, Салдатов Юсуп. Один студент Исламов Абдурахман — уйгур.

Все эти студенты учились у А.В. Бурдукова своему родному языку.

³⁷ [ЦГА. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 991. Л. 99].

СПИСОК УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ
LIST OF PARTICIPANTS

Алексеев Кирилл Всеволодович

Ст. преподаватель Кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ, г. Санкт-Петербург.
kirill.alekseev@spbu.ru

Батзаяа Гэрэлт-Одын

Доктор (Sc.D), доцент, младший научный сотрудник сектора Лингвистики Института языка и литературы АН Монголии, г. Улан-Батор, Монголия.
gereltbatzaya@gmail.com

Бигэрма Рагчаагийн

Ph.D, Ст. преподаватель Кафедры монголоведения Монгольский Государственный Университет Науки и Технологий (МГУНТ).
rbigermaa@gmail.com
bigermaa@must.edu.mn

Бичеев Баазр Александрович

Д.филос.н., Профессор Кафедры философии и культурологии Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Пушкина, 15, г. Элиста, Республика Калмыкия, Российская Федерация, 358000)
baazr@mail.ru

Валеев Рамиль Миргасмович

Д. и. н., профессор. кафедры алтаистики и китаеведения, ИМО, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) Федеральный университет» Республики Татарстан, г. Казань.
valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закариевна

К. пед. н., доцент, декан Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова
rozazv@mail.ru

Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна

К. филол. н., доц. кафедры восточных языков Переводческого факультета МГЛУ, г. Москва.
dug-vema@mail.ru

Дайриймаа Баасанжаргал

К.филол.н., научный сотрудник сектора Фольклористики Института языка и литературы АН Монголии, г. Улан-Батор, Монголия
dairiimaab@mas.ac.mn

Заяасүрэн Чулуун

Доктор (Ph.D), ведущий научный сотрудник сектора Фольклористики Института языка и литературы АН Монголии, г. Улан-Батор, Монголия
czayasuren@gmail.com

Дампилова Людмила Санжибоевна

Д. филол. н., доцент, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ.
dampilova_luda@rambler.ru

Дорджиева Гиляна Андреевна

Кандидат искусствоведения. Scholar in residence, Mongol-American Cultural Association,
ghilyana@yahoo.com

Дробышев Юлий Иванович

К. и. н., Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия.
altanus@mail.ru

Дэмбэрэлмаа Балжинням

Магистр, Институт науки и искусств, Монгольский государственный университет.
г. Улан-Батор, Монголия.
Demberelmaa@num.edu.mn

Елихина Юлия Игоревна

К. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа,
г. Санкт-Петербург, Россия.
julia-elikhina@yandex.ru

Ермакова Татьяна Викторовна

К. филос. н., ведущий научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.
taersu@yandex.ru

Захарова Ирина Михайловна

К. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург, Россия.
zakharovairina@mail.ru

Кузьмин Юрий Васильевич

Д. и. н., проф., кафедры мировой экономики и экономической безопасности Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия.
kuzminuv@yandex.ru

Кукеев Дорджи Геннадьевич

К. и. н., доцент Кафедры иностранных языков, межкультурной коммуникации и регионоведения КалмГУ, г. Элиста, Россия.
kukeevd@list.ru

Кульганек Ирина Владимировна

Д. филол. н., главный научный сотрудник, зав. Сектором Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.
kulgan@inbox.ru

Мандрик Мария Вячеславовна

К. и. н., старший научный сотрудник Научного архива Института истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.

mmandrik@mail.ru

Меняев Бадма Викторович

специалист Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве» Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия.

bmeuaev@mail.ru

Неклюдов Сергей Юрьевич

Д. филол. н., профессор, научный руководитель Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, главный научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС, г. Москва, Россия.

sergey.nekludov@gmail.com

Носов Дмитрий Алексеевич

К. филол. н., научный сотрудник Сектора Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.

dnosov@mail.ru

Омакаева Эллага Уляевна

К.филол.н., доцент Кафедры русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин Факультета довузовской подготовки и обучения иностранных граждан КалмГУ, г. Элиста, Россия.

elomakaeva@mail.ru

Орлова Ксемя Владимировна

Д. и. н., главный научный сотрудник Центра архивных исследований Института востоковедения РАН, г. Москва, Россия.

orlovnk@mail.ru

Петрова Мария Павловна

К. филол. н., доцент Кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия.

mariap2001@mail.ru

Полянская Оксана Николаевна

К. и. н., доцент. Доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия.

polgrab@mail.ru

Понарядов Вадим Васильевич

К. филол.н., старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра Уральского отделения РАН (ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН), г. Сыктывкар, Россия.

vadim.ponaryadov@yandex.ru

Почекаев Роман Юлианович

Д. и. н., к. юр. Н., доцент. Профессор, зав. Кафедрой теории и истории права и государства. Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник НОЦ «Большой Алтай» Алтайского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.
prochekaev@hse.ru

Сабрукова Светлана Санджиевна

К. филол. н., старший научный сотрудник Отдела рукописей и документов. Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.
ssabrukova@yandex.ru

Скрынникова Татьяна Дмитриевна

Д. и. н., профессор, главный научный сотрудник, зав. Отделом Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.
skryta999@mail.ru

Соловьева Карина Юрьевна

Заведующая отделом фотографии Российского этнографического музея, г. Санкт-Петербург, Россия.
karinasol@yandex.ru

Федорова Марина Владиславовна

К.и.н., ведущий научный сотрудник отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока Российского этнографического музея, г. Санкт-Петербург, Россия.
fedorovarme@mail.ru

Энхбаатар Мижиддорж

Институт исследования культуры и искусств Монгольского государственного университета культуры и искусств, г. Улан-Батор, Монголия.
mijidenkhbaatar@gmail.com

Юсупова Татьяна Ивановна

Д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.
ti-yusupova@mail.ru

Ямпольская Наталия Васильевна

Ph. D., старший научный сотрудник Сектора Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.
nataliayampolskaya@yandex.ru

Яхонтова Наталия Сергеевна

К. филол. н., доцент, старший научный сотрудник Сектора Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.
nyakhontova@mail.ru